

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

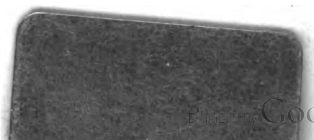
PG
3320
A1
G7

Б.МАК

~~186416~~
~~A~~

~~2405~~
~~111~~
4628

UKA

20 $\frac{a-}{21}$

N. S. G. S.

Grisha

ГРИША.

РАЗКАЗЪ ИЗЪ РАСКОЛЬНИЧЬЯГО БЫТА.

Издание Д. Е. Казанчикова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза».

1861.

341

Р 63320
А 1 67

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Пе-
тербургъ, 12-го Мая, 1861 года. Исправляющій должность.

Ценсоръ С. Загубенинъ.

Г Р И Ш А.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ РАСКОЛЬНИЧЬЯГО БЫТА.

Давно то было.—Лѣтъ пятьдесятъ и побольше того. Жило да было въ уѣздномъ городѣ Колгуевѣ богатое купеческое семейство Гусятниковыхъ.

Въ самомъ углу города строенія Гусятниковыхъ занимали цѣлый кварталъ: тутъ были и кожевенный заводъ, и салотопня, и свѣчной заводъ, и клееварня. И до сихъ поръ стоятъ развалины большаго каменнаго дома; отъ другихъ строеній и слѣда не осталось — все вычистило въ большой пожаръ, отъ котораго въ два часа сгорѣло полгорода лѣтъ пять-шесть тому назадъ.

И теперъ есть въ Колгуевѣ Гусятниковы, только люди они захудалые, обнищалые. Изъ

купцовъ въ мѣщане давно переписались: старики только-что не съ сумой ходятъ, а которые молодые—всѣ въ солдаты по найму ушли. Совсѣмъ сгибъ да пропалъ купеческій домъ Гусятниковыхъ, а лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ былъ онъ знаемъ и славенъ и въ Казани, и въ Астрахани, и въ Москвѣ, и въ Сибири. И какіе богатые были! Сколько добра было въ домѣ, какую торговлю вели!... Все прахомъ да тлѣномъ пошло!

Держался домъ Гусятниковыхъ матерью те-перешнихъ обнищавшихъ стариковъ. Покамѣстъ жива была Евпраксія Михайловна, жили они въ богатствѣ и почетѣ; какъ не стало ея — все пошло на другую статью,—ровно унесла она съ собой въ могилу прежнюю честь, прежнее до-вольство, прежнее житье-бытье Гусятниковыхъ. Какъ только схоронили ея, такъ и зачали сыновья путаться; путались они путались, да лѣтъ черезъ десятокъ до такой мѣры допутались, что и спать стали не ужинавши ложиться. А не были ни воры, ни бражники: народъ все тихій, обходительный, и не дураки, и послѣ смерти ма-

тери никакого Божьяго насланія на нихъ не было—ни пожара, ни потопа, ни суда, никакого инаго разоренія. И въ подряды казенные не вступали, и откуповъ не держали— а прогорѣли. Ужь такая видно судьба ихняя.

Правда, передъ самой смертью Евпраксіи Михайловны, было у нихъ горе. Но, кажется бы, отъ этого горя еще нельзя было въ конь разориться. Нѣтъ, ужь судьба, просто судьба!...

Отецъ Гусятниковыхъ — мужъ Евпраксіи Михайловны, хоть и бойко торговаль, да дѣла не совсѣмъ въ порядкѣ держаль, и какъ померь — а померь—то въ одночасье, на чужой сторонѣ—въ Саратовѣ никакъ—такъ чуть-было не пришлось конкурсы дѣлать. Евпраксія Михайловна послѣ него молодой вдовой осталась, а на рукахъ семья, да семья—то не маленькая: пять сыновей, да двѣ дочери малъ-мала меньше. Седьмымъ ребенкомъ на сносяхъ ходила, какъ пали къ ней вѣсти, что сожитель ея побывшился. «Ну, совсѣмъ теперъ порѣшились Гусятниковы», заговорили по купечеству.—Родила Евпраксія Михайловна, справилась, по му-

•

жѣ сорочины исполнила и сама за дѣло взялась. — «Куда молодой бабѣнкѣ съ такими дѣлами возиться, заговорило купечество: отъ такихъ дѣлъ и у стараго торгаша голова затрепигъ! Куда ей?»

Но въ немощахъ человѣческихъ Господь силу свою являетъ: молодая вдова въ какіе нибудь три-четыре года дѣла свои на самую лучшую ногу поставила, а кожевенный заводъ, при мужѣ-то чуть не совсѣмъ заброшенный, такъ подняла, что сдѣлался онъ что ни на есть первымъ по всей губерніи и на самой Макарьевской ярмаркѣ ютъ гусятниковская стала всѣмъ знаема. Сыновей Евпраксія Михайловна выростила, выучила, переженила, дочерей замужъ повыдала за хорошихъ людей: одну въ Казань за купца, другую въ Муромъ, третью чуть ли не въ Арзамасъ. Сыновья не дѣлились, всѣ при матери жили даже и тогда, какъ своихъ дѣтей переженили. Ну, одно слово—такъ все хорошо да ладно устроила Евпраксія Михайловна, что и мужчинѣ не всякому такъ удастся. И наградила ее Господь многолѣтіемъ, видѣла Евпрак-

сія Михайловна внуковъ женатыхъ, нянчила, холила правнуковъ, и отъ всѣхъ людей почтена была за жизнь строгую, подвижную. Правдой жила: много добра потаеннаго творила, много раздала тайной милостыни, и поднесла Господу на смертномъ одрѣ три дара: первый даръ—ночное моленье, другой даръ—постъ-воздержанье, третій даръ—любовь-добродѣтель.

Особенно странволюбію поревновала Евпраксія Михайловна. Бывало, кто ни приди къ ея дому, кто ни помяни у воротъ имя Христово—всякому и хлѣбъ, и соль, и теплый уголь. На краю обширной своей усадьбы, неподалеку отъ маленькой рѣчки, на самомъ на вспольѣ, ставила средобольная вдовица особую келью ради пристанища людей странныхъ, ради трудниковъ Христовыхъ, ради переходящихъ богомольцевъ. Много тутъ странниковъ привитало, много въ той келійкѣ страннаго народа упокоено было, много здѣсь къ Господу теплыхъ молитвъ пролито было за честную вдовицу Евпраксію.

Женскаго пола странніе люди у Евпраксіи Михайловны въ самомъ дому привитали; сама

она съ дочками, покаместъ замужъ ихъ не по-
выдала, да съ невѣстками, за странницами, ра-
ди Бога, ходила; а мужской полъ, по старому
уставу, долженъ жить особо, и послужить стар-
цу долженъ мужчина. Для того-то и строила
Евпраксія Михайловна на усадѣ страннопрім-
ную келью, а потомъ искала челоуѣчка, чтобы
смотрѣлъ онъ за келійкой денноночно, былъ
бы при ней безъисходно, приносилъ бы стар-
цамъ и переходимъ богомольцамъ съ поварни
горячую пищу; а служилъ бы не изъ платы, а
по доброму своему хотѣнью, плоть да волю
свою умерщвлялъ бы и дѣлалъ бы дѣло свое ради
Бога. Въ страхъ Господнемъ вспоенные, вскорм-
ленные сыновья сами на такое богоугодное дѣ-
ло одинъ передъ другимъ просились, однако
Евпраксія Михайловна на то имъ говорила:

— Полно-ка вамъ, дѣтки! Развѣ вамъ того
неизвѣстно, что всякому челоуѣку отъ Бога своя
дорога, каждому челоуѣку отъ Господа своя
забота? Вамъ дана забота—вести торгъ чест-
ный, а на келейное дѣло вы, мои ребятки, еще
несгодились. Нѣтъ, дѣтки, сежь-ка присмот-

римъ мы сироту такого, чтобы смиренный былъ да богобоязный, ради Бога работающій и терпѣливый. По силѣ помощь ему подадимъ: барскій, такъ выкупимъ; вольный, такъ рекрутскую квитанцію за него выправимъ—и станетъ онъ у насъ старцевъ покоить, да Бога молить объ отпущеніи нашихъ согрѣшеній... Ладно, что ли, ребятки?

Сыновья матери съ роду ни въ чемъ не перечили, а по такому душевному дѣлу и подавно. Рѣшили искать сироту. По скорости и отыскали.

Послѣ колгуевского мѣщанина Аверьяна Самохинскаго, горькаго пропойцы, что подлѣ кабака и жизнь покончилъ, оставался сынъ Григорій. Не было у него ни роду, ни племени; куда ни оглянись, со всякой стороны, какъ есть—сирота круглый. Ужь было ему лѣтъ тринадцать, а мальчишка все промежъ дворовъ мотался: гдѣ съѣсть, гдѣ изопеть, гдѣ въ банькѣ выпарится, а все именемъ Христовымъ. Только и праздникъ бывалъ Гришуткѣ, когда иной разъ какая-нибудь бабѣнка, сжалившись надъ горе-

мычнымъ, обносокъ ему подасть. И пойдетъ ему тотъ обносокъ за нову рубаху. Паренёкъ былъ смиренный, тихій, послушный: ну, известное дѣло—нужда да сиротство чему не научать! И открылъ ему Господь разумъ: выучился Гришутка грамотѣ самоучкой, и ходя по домамъ безграмотныхъ мѣщанъ, читалъ имъ псалтирь да чети-минеею. И возлюбилъ Гриша божественныя книги, и ужь такъ хорошо онъ пѣлъ духовныя пѣсни, что и такой человѣкъ, что въ суетѣ вѣкъ свой проводить, заслушается бывало его поневолю. А былъ онъ изъ раскольниковъ, изъ «записныхъ» — изъ самыхъ, значить, коренныхъ—дѣды его и прадѣды двойной окладъ платили, указное платье съ жолтымъ козыремъ носили и браду свою поплиной окупали. Это было тоже съ руки Евпраксіи Михайловнѣ, для того, что и сама онъ съ дѣтками тоже «по древлему благочестію» пребывала, то есть по-просту сказать расколичала. Только были Гусятниковы не злой какой-нибудь секты, не изувѣрной, а по бѣглому священству—по Рогожскому, значить, кладбищу. И взяла къ себѣ въ

домъ Евпраксія Михайловна сироту Гришу. Обмыли его, одѣли, рекрутскую квитанцію за парня выправили, и по его доброй волѣ, по его благому хотѣнью, приставили его къ богадѣльной кельѣ. Тамъ, за кафельной печкой-голанкой, устроили ему каморку. Въ этой каморкѣ, объ одномъ маломъ оконцѣ, сталъ жить и подвизаться молодой келейникъ, а въ свободное время, когда въ кельѣ ни скитскихъ старцевъ, ни переходящихъ богомольцевъ не было, читалъ онъ все книги о житіи пустынниковъ и подвижниковъ Христовыхъ, что въ Палестинѣ, и во Египтѣ, и въ еивандскихъ пустыняхъ труднымъ и добрымъ подвигомъ, ради Господа, подвизались.

Живетъ Гриша у Евпраксіи Михайловны годъ, живетъ Гриша другой, живетъ третій, а все старцамъ и страннимъ людямъ служить, все божественныя книги читаетъ.

Отверзстою душою и умомъ нераздвоеннымъ внималъ нашъ келейникъ сказаніямъ о подвигахъ отцовъ преподобныхъ, и съ особеннымъ жаромъ, съ особой любовью читалъ онъ «Повѣсть объ ин-

дѣйскомъ царевичѣ Асафѣ». «Вотъ вѣдь», думаетъ, бывало, Гришутка: «и царевичъ былъ, и царствомъ владѣлъ, жилъ въ бѣлокаменныхъ палатахъ, было у него казны золотой несмѣтно, было у него всякихъ земныхъ сокровищъ неизсчитно, а прѣмѣнялъ же царскія брашна на гнилую колоду, сладкіе меда на болотну воду...» И западала въ юную голову Гриши крѣпкая дума—какъ бы и ему въ дебряхъ пустынныхъ постомъ и молитвой спасти свою душу... Разросталась, расширялась у него такая дума и, глядя на синеву дремучаго лѣса, что за рѣчкой видѣлся на краю небосклона, только о томъ и помышлялъ Гриша, какъ бы въ этомъ лѣсу келійку ему поставить, какъ бы тамъ въ безмятежной пустыни молиться Богу, какъ бы дивимъ овощемъ питаться какъ бы честнымъ житіемъ вѣкъ свой подвизаться, какъ бы столбъ себѣ ради подвига великаго поставить, какъ бы стоять на томъ столбѣ тридесять лѣтъ несходно, не ложась и колѣнъ не преклоняя, отъ персей рукъ не откладая, очи съ неба не спуская... Стоитъ, бывало, стоитъ машъ келейникъ, вперя въ даль свои очи, стоитъ,

самъ ничего не слышитъ, а по душѣ у него сладость разольется, и самъ не знаетъ, отчего онъ заплачетъ; заструятся у него по впалымъ, блѣднымъ ланитамъ горячія слезы, и запоетъ онъ тихонько стихъ въ похвалу пустыни:

«О, прекрасная мати-пустыня!
Самъ Господь пустыню похваляетъ,
Отцы во пустыняхъ скитались,
И ангелы отцамъ помогали...
Прекрасная ты пустыня,
Прекрасная ты раиня,
Любимая моя мати!
Прими ты меня, мати-пустыня,
Отъ юности моя прелестной!
Научи ты меня, пустыня,
Какъ жить и творить Божье дѣло!

И долго, долго, бывало, тихимъ, тоскливымъ напѣвомъ поетъ Гриша, глядя на синеву лѣсную. Спустился вечерняя тѣнь на землю, и лѣсъ черной полосой вытянется по краю неба, а онъ все поетъ да поетъ свою любимую пѣсню; яркія звездочки одна за другой начнутъ вспыхивать въ небѣ, и полный мѣсяцъ выкатится изъ за лѣ-

са; серебристымъ лучомъ оболетъ онъ и широкіе луга, и сонную рѣчку, и бѣлоснѣжные песчаные берега ея и темныя, нависшія въ воду ракиты, а Гриша, не чувствуя ни голода, ни ночнаго холода, стоитъ босой на покрытой росой луговинѣ и все поетъ да поетъ про прекрасную мать-пустыню...

А подвизался нашъ Гриша житіемъ строгимъ; въ великіе только праздники вкушалъ горячую пищу, а то, кромѣ хлѣба да воды, въ ротъ ничего не бралъ. Строгій былъ молчальникъ, празднаго слова, бывало, никогда не молвитъ, только бывало его и слышно, какъ распѣваетъ свои духовные псалмы, да что ни дѣлаетъ, гдѣ ни ходитъ, все молитву шепчетъ.

А на усадѣ Евпраксіи Михайловны народу жило много: тутъ стояли заводы кожевенный, салотопенный, свѣчной, клееварный, тутъ же кошму изъ шерсти валяли, овчины выдѣлывали,—стало быть однихъ работниковъ что тутъ жило! А кромѣ того по торговой части прикащики да артельщики и другіе наемные люди—и всѣ они жили въ особыхъ избахъ, каждый съ своимъ

семействомъ. Такъ устроила своихъ домочадцевъ добрая, заботливая обо всемъ, домовитая Евпраксія Михайловна. По задворью и огороду и по всему усаду народъ день-деньской такъ и снуетъ такъ и кишитъ, бывало, такъ и носится роемъ. Съ ранняго утра до поздней ночи стономъ, бывало, стоять голоса. И на такомъ-то великомъ многолюдствѣ, на такой-то шумной суетѣ слова ни съ кѣмъ не перемолвить нашъ келейникъ, ходить, опуствя очи въ сырую землю, ничего не видя, ничего не слыша, и беззлбно, безотвѣтно переносить злыя насмѣшки рабочихъ, щипки, да рывки мальчишекъ. Но глумленія, укоризнъ и всякой досады отъ нихъ Гриша не боялся, и всѣ озлобленія неразумныхъ и суетныхъ людей принималъ съ благодарностью, почитая ихъ за благодѣянія; за то пуще огня, пуще полымя боялся онъ женскаго пола. Наслушался онъ отъ переходящихъ старцевъ, и самъ въ книгахъ начитался, что женская лѣпота горше всякаго другаго соблазна, что и самыхъ строгихъ подвижниковъ врагъ рода человѣческаго, діаволь, всегда искій кого поглотити, уловлялъ въ свои геенскія сѣти жен-

ской, грѣховной красотой... А молодыя дѣвчата — десятковъ до трехъ жило ихъ на усадѣ — изловятъ, бывало, Гришу гдѣ нибудь на огородѣ или на вспольѣ, у рѣчки, хватъ его за руки да и ну вертѣть вокругъ себя, тормошить его всячески, обнимать его бѣлыми, какъ молоко, да полными, упругими руками... А сами звонкими, смѣющимися-ся голосами припѣваютъ:

«Монашекъ, монашекъ.
Купи намъ калачикъ,
Мы тебя, монашекъ, поцалуемъ,
Подъ ракитовымъ кусточкомъ побалуемъ...
Монашекъ, монашекъ,
Купи-ка намъ калачикъ.»

Молитву за молитвой творить бѣдный Гришутка, крѣпко зашуривъ очи, чтобы не встрѣтиться взоромъ съ свѣтлыми, палящими пуще огня дѣвичьими глазами... Дня по два, да по три послѣ такого искушенія бывалъ онъ самъ не въ себѣ: накладываетъ на себя постъ втрое строже, насыпаетъ у себя въ каморкѣ кремней и битыхъ стеколъ, и ходитъ по нимъ босыми ногами, кладетъ тысячи по три поклоновъ въ сутки, нала-

гаетъ на плечи, желѣзныя вериги и читаетъ прилежно Авву Дорофея. Все ему хочется заглушить въ тайникѣ до дна взволнованной души память о жгучемъ, томительномъ, дыханіе захватывающемъ чувствѣ, что сладкоогненной струей пробѣгало по всемъ его суставамъ и, какъ пламенной иглой, кололо насквозь сердце, когда бѣлолицыя, полногрудыя озорницы ловили его, сжимали въ своихъ объятіяхъ и обдавали лицо строгаго постника горячимъ, сладострастнымъ дыханьемъ... Стоитъ Гриша на кремняхъ и на битыхъ стклянкахъ передъ складнымъ кожанымъ налоемъ, передъ книгой Аввы Дорофея, громкимъ голосомъ читаетъ ее истово и мѣрно, а все-то ему слышится звонкій хохотъ Дуняши, самой озорной изъ всѣхъ гусятниковскихъ усадскихъ дѣвокъ... Завсегда, бывало, эта Дуняша первая подбуститъ на келейника дѣвокъ, первая подманитъ подругъ на всполье, первая затащитъ Гришу въ кругъ дѣвицѣй, первая заведетъ игры, первая уснѣетъ обвить шею постника жаркими руками, и съ громкимъ, далеко разносящимся въ

вечерней тиши хохотомъ успѣтъ прижать отуманенную его голову къ своей груди лебединой...

Стоитъ Гриша, борзо и истово перебирая лѣстовку, усердно кладетъ земные поклоны и потомъ начинаетъ читать въ полголоса «Скитское Покаяніе»: «Согрѣшилъ есмь душею, и умомъ, и тѣломъ», шепчетъ онъ: «сномъ и лѣностію, во омраченіяхъ бѣсовскихъ, въ мыслѣхъ нечистыхъ». Такъ шепчетъ Гриша, глядя въ «Скитское Покаяніе», но слово звучитъ безъ участія ума—помыслы міра мятежнаго и полнаго прелестей возстаютъ передъ нимъ въ самыхъ обольстительныхъ образахъ, и какой-то таинственный голосъ исходящій будто изъ глубины его замирающаго сердца, сладко и соблазнительно говоритъ ему: «Помнишь Дуню молодую? Помнишь, какъ глаза у ней горѣли? Помнишь, какъ грудь у ней колыхалась?..»

Вздрогнетъ всѣмъ тѣломъ Гришутка, и отчаянный вопль вырвется изъ души его. Самъ себя пугается, торопливо ограждаетъ себя крестнымъ знаменіемъ и, судорожно схвативъ съ налоя

«Скитское Покаяніе», громко забарабанить, глядя въ книгу:

«Грядетъ міра помышленіе грѣховно, борются страсти и помыслы мятежны— помилуй, Господи, раба своего, очисти мя покайного, скверного, безумнаго, неистоваго, злопытливаго, неключимаго, унылаго, вредоумнаго, развращеннаго...»

А голосъ свое твердить:

«Вспомни, какъ горѣли у ней очи ясныя, какъ горѣли огнемъ щеки-маковъ цвѣтъ... Вспомни, какъ дрожа всѣмъ тѣломъ, изнывая въ сердечной истомѣ, она обняла тебя,.... какъ прильнула къ тебѣ устами алыми, какъ прижала тебя къ бѣлоснѣжной груди...»

«Изми мя отъ врагъ моихъ,» громко читаетъ по своей книгѣ келейникъ: «и отъ возстающихъ на мя избави мя; изми мя отъ руку діавола; отжени отъ мене омраченіе помысловъ, духъ нечистъ и лукавнующій; избави мя отъ сѣти ловчи, и не вниди въ судъ съ рабомъ своимъ...»

А голосъ сердечный: «Брось молитву! Вонъ изъ кельи! Къ ней поди! Посмотри, тамъ въ свѣтелкѣ она спитъ одна у окна... Высоко подни-

магется грудь, и раскрыты уста, и дыханье ея горячо...»

«О, Господи!... я падаю...» шепчет келейникъ:
«спаси...»

А голосъ: «Какъ бы сладко прильнуть къ красотѣ молодой!»

Послѣднія силы собралъ Гриша на отогнаніе лукаваго бѣса, крѣпко ухватилъ онъ лѣстовку, хочетъ читать молитву на прогнаніе бѣсовскихъ искушеній... Но сухія, дрожація уста вторятъ таинственному: сердечному голосу: «Какъ бы сладко припасть къ ея персямъ щекой огневой»...

.

Вдругъ стукнуло оконце и растворилось. Въ бѣлыхъ рукавахъ, бѣломъ передникѣ и блѣдно-розовомъ сарафанѣ, съ распущенными, длинными темными волосами, въ вѣнкѣ изъ васильковъ, вся облитая сіяньемъ мѣсяца, лукаво улыбаясь, глядитъ на постника миловидная Дуня.

— «Здравствуй Гриша голубчикъ! Здравствуй, желанный!» яснымъ голосомъ крикнула и, заливаясь рѣзвымъ хохотомъ, прыснула, какъ кошечка

ка, за подругами на всполье. И только въ тиши
ночной раздается надъ рѣчкой пѣсня дѣвчья:

«Мы посьемъ, дѣвки, лень, лень, лень,

«Мы посьемъ молодой, молодой...»

Стоитъ босой Гришутка на кремняхъ, какъ
вкопанный,—лѣстовка изъ рукъ выпала, «Скит-
ское Покаяніе» на полу валяется и давятъ плечи
тяжелыя вериги. Тихо шепчетъ келейникъ: «Ахъ,
Дуня, Дуня!..»

А издалека, съ поля несутся да несутся ве-
селье звуки ночнаго хоровода дѣвушекъ, спра-
вляющихъ Красную Горку.

Какъ во городъ было во Казани,
Сдуниной-най-най — во Казани,
Молодой чернецъ постригался,
Сдуниной-най-най — постригался.»

А свѣжій воздухъ майской ночи теплымъ, ду-
шистымъ потокомъ такъ и льется черезъ отво-
рщенное Дуней оконце въ душную келью стоя-
щаго на кремняхъ и стеклахъ юнаго постника.
Тихо рыдаетъ отшельникъ и по распаленному
лицу его обильно струятся слезы, но онъ ужъ

не такъ для него. сладки, какъ тѣ, что были прежде, когда онъ въ samozабвеніи, глядя на зеленый лѣсъ, пѣвалъ пѣсню въ похвалу пустыни..

Идетъ день за днемъ, идетъ годъ за годомъ — Гриша все живетъ у Евпраксіи Михайловны. Темнѣютъ бревенчатые стѣны и тесовая крыша богадѣльной кельи, — поднимаются, разрастаются вокругъ нея кудрявые липки, рукой келейника посаженные, а онъ все живетъ у Евпраксіи Михайловны. И самъ ужь сдѣлался не таковъ, какимъ впервые пришелъ сюда — и ростомъ сталъ выше, и на видъ возмужалъ, и русая бородка обросла блѣдное, исхудалое лицо молодого постника.

Много всякаго народа перебивало на глазахъ у Гриши во вѣренной его надзору и попеченію кельи: всѣ раскольники и ближніе и дальніе, и каждый трудникъ, каждый переходящій богомолецъ, идутъ бывало къ Евпраксіи Михайловнѣ въ домъ обо всякую пору, какъ подъ свою родную кровлю. Кто бывало ни брякнетъ тяжелымъ, желѣзнымъ кольцомъ о дубовую калитку страннолюбивой вдовицы, кто ни возвѣститъ о себѣ именемъ Христовымъ, всякому готовъ теплый уголь, будь

онъ раскольникъ поповщинскій или безпоповщинскій, будь единовѣрецъ или церковникъ — все равно, отказу никому не бывало. «Всѣ люди — Христовы человѣки», говаривала бывало Евпраксія Михайловна, когда скитскія матушки-келѣйницы, или читавшія у ней въ дому неугасимую «канонницы» изъ Керженца начнутъ ее начинать за то, что она де сообщается со еретики, давая всякому у себя пристанище — и покрещеванцу, и никоніанину, и Богъ вѣсть какимъ еще сектамъ.

Много, много всякаго народа насмотрѣлся Гриша; но что-то не встрѣчалось ему такихъ подвижниковъ, о какихъ читывалъ онъ въ Патерикѣ и прологахъ. «Неужели», думаетъ бывало онъ: «неужели всѣхъ человѣковъ до одинаго обуяла грѣховная, мірская суета? Неужели всѣ люди рабѣтаютъ плоти своей? Чтѣ это за трудники, чтѣ это за подвижники? Я и младъ человѣкъ, и страстями водимъ, а правила постничества и молитвы не въ примѣръ тверже ихъ сохраняю.»

Поднимала такимъ помышленіемъ въ тайникѣ души его змѣиную свою голову гордость треклятая. Старался Гриша прогонять эти лукавыя

мысли, какъ внушенные врагомъ—дѣволомъ, какъ помысль гордыни, отъ которой—читываль онъ—многіе подвижники съ высоты своего ангелоподобнаго житія пали, но самообольщеніе и гордость смиреніемъ, гордость своимъ многотруднымъ подвигомъ неслышно, невидимоточили его душу... «И въ-самомъ-дѣлѣ», думываль онъ: «что же это за трудники, чтожь это за постники, что въ моей богоданной келійкѣ привитають?»

А днемъ, на людяхъ, бывало, у нихъ только и слова, какъ Христову рабу довлѣетъ жить на вольномъ свѣту: сладко не ѣсть, пьяно не пить, тѣлеса свои грѣшныя не вынѣживать, не спѣсивому быть, не горделивому, не конить сокровищъ и тлѣнныхъ богатствъ земныхъ, до сирыхъ, убогихъ быть податливу,—а ночью, какъ люди поулягутся спать и уйдетъ Гриша въ свою каморку за кафельную голанку, старцы честные послѣ плотной, вечерней трапезы съ поварни Евпраксіи Михайловны не на правило почное становятся, а дѣломъ не волоча, прямо къ мягкому пуховику на боковую. А иной, бывало, всю ноченьку деньги просчитаетъ, что пособирали у христолюбцовъ и дате-

лей добротныхъ; а другой съ полштофникомъ до свѣту пребесѣдуетъ; а какъ двое соберутся, такъ того и жди, что вмѣсто душеспасительныхъ словесъ, о дѣвкахъ, да о бабахъ рѣчь поведутъ...

Сидить бывало Гриша, пришипевшись въ своей каморкѣ, сидитъ да въ щелочку смотритъ, глазъ съ трудниковъ не спускаетъ, глядитъ, сколь добрымъ, душе спасительнымъ подвигомъ иной старецъ въ тиши ночной подвизается. Но глубоко проникнутый духомъ суроваго, но съ тѣмъ вмѣстѣ и мечтательнаго, аскетизма, не вѣритъ Гриша очамъ своимъ тѣлеснымъ, а силится прозрѣть духовными очами, гонитъ отъ мягущагося ума ево-его мысль о непотребствѣ старца, и на то помысль свой устремляетъ, что это де врагъ, дужъ лукавый, бѣсовское мечтаніе свое грѣшнымъ очамъ его представляетъ... И начинаетъ бывало творить молитву отъ діавольскаго наважденія, а самъ все смотритъ, какъ старецъ съ водочкой бесѣду ведетъ либо деньги считаетъ.

Насилюя себя такимъ образомъ, безирестьяно держа умъ свой въ такомъ настроеніи, Гриша постоянно воображалъ себя окруженнымъ тем-

ною силою ратующихъ противу него демоновъ, которые, являясь передъ нимъ въ разныхъ соблазнительныхъ образахъ, стараются уловить его въ разставленныя сѣти, совратить съ тѣснаго пути, которымъ онъ шествовалъ, и увлечь въ шумный, полный соблазновъ и грѣховной суеты, многопрелестный міръ... Онъ старался убедить себя, что и по ночамъ—то не сама Дуняша къ нему въ оконце постукиваетъ, не сама нарѣчкъ съ нимъ заигрываетъ, но нѣкій отъ зѳіонъ, сирѣчь бѣсъ преисподній, во образѣ дѣвическомъ приходитъ изъ ада его смущати... «Вѣдь окаянный—то», думалъ онъ, «все больше во образѣ жены съ трудниками борется; и въ книгахъ писано, что въ древнія времена въ киновіяхъ и великихъ лаврахъ синайскихъ и въ пустыняхъ египетскихъ и еиваидскихъ преподобнымъ отцамъ бѣси все больше въ женскомъ образѣ являлись... Ужь такой у нихъ, у проклятыхъ, скверный обычай! А все на пакость человѣку.»

Приходили одинъ разъ къ Евпраксіи Михайловнѣ двое старцевъ, оба раскольническіе монахи. Одинъ сказался изъ Черномлѣскаго скита, а дру-

гой былъ бродячій инокъ. — Такихъ бродячихъ иноковъ не мало между раскольниками, особенно по глухимъ мѣстамъ. Наскучивъ жить въ скитѣ, гдѣ надо подчиняться общежительнымъ правиламъ и повиноваться отцу-настоятелю, или будучи изгнаны изъ обители за какое ни на есть безчинство, непутные старцы пускаются бродить по бѣлу свѣту. То у одного добраго человѣка поживуть, то у другаго, да этакъ бродя изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, вѣкъ свой промежъ людей и проколотятся. А и такіе есть, что не только въ скитахъ не живали, да и не видывали, какой есть скитъ. Надѣлъ «своимъ изволомъ» манатейку да кафтырь, и пошелъ странствовать по раскольничьимъ деревнямъ, и пошелъ слыть за инока честнаго.

Скитскій старецъ — звали его Мардаріемъ — пріѣхалъ въ Колгуевъ на монастырской подводѣ съ просительнымъ письмомъ къ «благодѣтельницѣ» Евпраксіи Михайловнѣ отъ чернолѣскаго настоятеля Пафнутія: прислать на монастырскую потребу ржицы да пшенички, маслица да

рыбки, а если милость будетъ, то и деньжонками не оставить. Былъ онъ старецъ тучный, лицо красное, плѣшь во весь лобъ, а борода широкая, круглая, чуть не по поясъ. Отдавъ жирную лошадь на попеченіе работникамъ Евпраксіи Михайловны, отецъ Мардарій сначала зашелъ въ батрацкую избу, снялъ съ головы мѣховой трехъ, распоясалъ красный гарусный кушакъ, скинулъ нагольный тулупъ, и сталъ одѣваться во иноческій чинъ: надѣлъ свиту, камилавку съ кафтыремъ, вынувъ ихъ изъ пещура, взялъ въ лѣвую руку лѣстовку и сталъ какъ надо быть монаху. Въ пути ни онъ, ни другой кто изъ чернотѣсской братіи таковой одежды носить не дерзалъ; въ уѣздѣ есть исправникъ да становой, а въ городѣ городничій. Какъ разъ за эту одежду, какъ «за внѣшнее оказательство ереси», за желѣзную рѣшотку угодишь или карманъ дочиста опорожнить придется. Войдя въ горницу Евпраксіи Михайловны, Мардарій первоначально, какъ слѣдуетъ, положилъ уставной, семипоклонный «началь», потомъ, поклонясь въ поясъ на всѣ стороны, подошелъ къ хозяйкѣ. Евпраксія

Михайловна, какъ ни богата была, въ какомъ почетѣ ни состояла, творитъ «метанія», по уставу дважды, къ стонамъ Мардарія припадая, съ словами: «прости, честный отче! благослови, честный отче!»

— «Богъ проститъ, Богъ благословитъ,» отвѣчаетъ Мардарій, и подавая просительное письмо своего игумена—начинаетъ вести рѣчь, тоже чуть ли не уставную.

— Христіанскія жизни добродражательница, ко смиреннымъ, бѣднымъ и убогимъ скорая помощница, крѣпкая хранительница отеческаго преданія, добродѣтелями сіяющая, яко солнце, и смиреніемъ, яко бисеромъ многоцвѣтнымъ, благоукрашенная, честная вдовица, раба Божія Евпраксія! Ко твоей любви притекаемъ, отъ твоихъ великихъ щедротъ многообильныя милости чаемъ. Се и письмо просительное отца нашего игумена Пафнутія и всей честной братіи. Обнищавомъ, госпоже, оскудѣхомъ; озлоблены суще во обители нашей, гладу и хладу и всякой тѣснотѣ и угнетенію, нищетѣ же и нагожденію предани баше, къ тебѣ вопіемъ: о многомилости—

вая вдовица, Евпраксія! отверзи щедрую руку твою, благоволи отъ трудовъ своихъ праведныхъ подаяніе нѣкое нищенствующей братіи учинити, да узриши сыны сыновъ своихъ, и да сподобишися великія и богатая милости отъ самого Царя небеснаго въ сей вѣкъ и въ будущій.

— «Садитесь милости просимъ, честный отче» отвѣчаетъ Евпраксія Михайловна: — «Рада по силѣ-помощи. Чѣмъ васъ подчивать, отче? Кликийте Гришу! Здоровъ ли, батюшка, отецъ Пафнүтій?»

— «Здравъ тѣлесне и въ душееспасительныхъ подвигахъ обрѣтается,» отвѣчалъ Мардарій, садясь.»

Оглядѣвшись, замѣтилъ отецъ Мардарій, что онъ въ моленной горницѣ. Передняя стѣна въ ней вся была уставлена древними, богато-украшенными иконами; подъ ними висѣли дорогія, пелены, парчевыя, бархатныя, шитыя золотомъ, низанныя жемчугомъ. Передъ иконами горѣли большія, ослопныя свѣчи и неугасимыя лампы... На скамьяхъ сидѣли невѣстки Евпраксіи Михайловны, съ полдюжины канонницъ, а у притолоки бродячій старецъ отецъ Варлаамъ — дол-

говязый, парень лѣтъ тридцати-пяти, рыжій, съ прыгающими глазами и съ рѣдкою бородой, длиннымъ клинышкомъ. Мардарій поклонился Варлааму, тотъ ему «метанія» сотворилъ и сѣлъ на свое мѣсто.— Оба ни гугу; а сами другъ на дружку такъ зорко да бойко посматриваютъ, ровно узнаютъ другъ друга.

Закусочку подали. Изобильна была предлагаемая трапеза на утѣшеніе иноковъ: икра паюсная, да стерлядь вислая, вязига въ укусоѣ, да тавранчукъ осетрій, грузди да рыжички, пироги да левашники, и ерофеичу графинчикъ, и винограденькаго бутылочка.

—«Благословите, отцы честные,—откушайте», говоритъ гостепріимная вдовица.

—«Можно», отрывисто отвѣчаетъ Мардарій и, чинно положивъ три поклона, принимается за вязигу, а Варлаамъ и рыбнаго употреблять не дерзаетъ. «На сухояденіи обрѣтаюсь», говоритъ, «по обѣту пятый годъ». Опречь хлѣба да груздочковъ, ни къ чему и не приступилъ.

— Водочки-то, отцы честные, водочки-то откушать можно?

— «Не подобаеть», такъ же отрывисто отвѣчаетъ Мардарій. А Варлаамъ даже повѣсть отъ Пандока разсказаль отомъ, откуда взялось питье хмѣльное и какъ оно челоуѣка отъ Бога отводитъ, къ бѣсомъ же на пагубу приводитъ.

Не нарадуется такимъ воздержнымъ и подвижнымъ гостямъ Евпраксія Михайловна. И она, и келлейницы, и канонницы видимо прониклись чувствомъ высокаго къ нимъ уваженія, а у Гриши, что вошелъ въ горницу, по призыву хозяйки, и сталъ смиренно у притолоки, сердце такъ и распаляется радостію, что привелъ же его наконецъ Господь видѣть старцевъ такихъ благочестивыхъ, такихъ строгихъ, такихъ высокихъ подвижниковъ. Духъ въ молодомъ постникѣ такъ и занимается, и творитъ онъ мысленную молитву, благодаря Бога, что приходится ему послужить такимъ преподобнымъ старцамъ.

— Побесѣдуйте промежь себя, отцы честные, сказала, низко кланяясь Мардарію и Варлааму, Евпраксія Михайловна, когда они кончили трапезу:— просвѣтите насъ скудоумныхъ своей бесѣдой.

И велѣла канонницѣ кликнуть сыновей, что-бы

и они наладились отъ духовныя трапезы, отъ премудрой бесѣды строгоподвижныхъ старцевъ.

Пришли. Усѣлись всѣ. Глянули старцы другъ другу въ очи и, нахлобучивъ на самыя вѣки камилавки, опустивъ головы долу, повели благочестивую бесѣду.

— Рцы ми, брате, началъ Мардарій:—кто умре, а не истлѣ?

Мало помедливъ, отвѣчаетъ тикимъ голосомъ и таково истово, учительно, Варлаамъ:

— Лотова жена—та умре, а не истлѣ, понеже въ столбъ сланъ претворися—соль же не истлѣваетъ; и доднесъ тотъ столбъ стоитъ во странѣ Палестинской, на святой рѣцѣ Иорданѣ.

И вздыхаетъ приварлаамовыхъ рѣчахъ Евпраксія Михайловна, охаютъ и слезы утираютъ матушки-келейницы, а Гриша всѣмъ умомъ дивится скорому и мудрому отвѣту честнаго старца Варлаама.

— Что есть, брате, продолжаетъ Мардарій:—ключъ древянъ, замѣкъ воденъ, заяцъ убѣже, а ловець утопе?

— Ключъ древянъ—жезлъ моисеевъ, замѣкъ

водень—Чермное море; заяць убѣже—то Моисей со израильтяны а ловець потопе — Фараонъ зломудрый, царь египетскій.

Подумаль малое время Мардарій и снова вопросъ предложилъ:

— Что есть, брате,—стоитъ градъ на пути, а пути къ нему нѣту; идетъ посоль нѣмъ, а несть грамоту неписанную?

— Градъ на пути—то ноевъ ковчегъ, понеже плаваше по непроходимому пути, сирѣчь по потопнымъ водамъ; посоль нѣмъ — то есть голубица чистая, а грамота неписана — то есть сучецъ масличный, его же принесе въ ковчегъ голубица къ Ною на увѣреніе познанія, что есть суша; и Ной праведный, зря той сучецъ, съ сынами и дщерями, со скотами и со птицы и со всякимъ гадомъ, бывшимъ въ ковчегъ, единими усты и единымъ сердцемъ прославиша благодѣющаго Бога.

— А осмѣлюсь, батюшка отецъ Мардарій, спросить, — вмѣшалась сама хозяйка: — всякіе ли, скоты были у Ноя—то въ ковчегъ?

— Всякіе, матушка Евпраксія Михайловна, всякіе были; одной только твари не было....

— Какой же это твари, батюшка?

— Рыбы! закричалъ во все горло Варлаамъ и схвативъ обѣими руками осетрѣй тавранчугъ, пошелъ уписывать его за обѣ щеки. Переглянулись всѣ, а отецъ Варлаамъ ужъ и къ ерофеичу десницу простираетъ.

— Прорвало! сквозь зубы прошепталъ Мардарѣй и еще ниже опустилъ главу свою.

— Батюшка отецъ-Варлаамъ! съ ужасомъ вскочивъ съ лавки, закричала одна изъ канонницъ, еще мало выдавшая на вѣку своемъ бродячихъ старцевъ и плакавшая во умиленіи отъ медоточивыя бесѣды его: — Батюшка, не скверни себя! Не сквернись! Не подобаетъ!

— Не замай его, Матренушка, — тихонько замѣтила Евпраксія Михайловна, удерживая каноницу за рукавъ: — развѣ не видишь, мать моя? — Юродствуетъ..

А Гриша ногъ подъ собой не слышитъ. Не понимаетъ онъ, что вокругъ него дѣлается. И бесѣда такая мудрая, да и безобразіе немалое. «Что же это такое — думаетъ онъ: «прямымъ ли дѣломъ отецъ Варлаамъ юродствуетъ, или это врагъ рода чело-

вѣческаго лукавое мечтаніе очамъ моимъ представляеть?»

Мардарій пришился—ни гу-гу, только лѣстовку перебираеть, а Варлаамъ стаканчикъ то на лобъ, да еще, да еще. И псалмѹ запѣлъ:

«Прошу выслушать мой слогъ,
Что въ печали сложить могъ
Во темныхъ во лѣсахъ...

— Подтягивай, Мардарій!

— Провидѣцъ, провидѣцъ! зашептали матушки-келейницы:—Вѣдь съ роду отца Мардарія не видывалъ, а знаетъ честноде имя его. Духъ прозорливый въ немъ ѣсть, матушка.

Мардарій однакожь не подтягиваетъ; опустья голову, смотритъ онъ внизъ, да половицы ечитаетъ, а самъ все думаетъ: «экъ его прорвало!» А Гриша шепчетъ молитву на отогнаніе бѣсовскихъ мечтаній и думаетъ: «чего ради бысть знаменіе сіе?» А Варлаамъ заливається:—

«А вотъ наша вся отрада:
Хлѣбъ, вода—и вся награда—
Живи да не тужи...

— Да подтягивай Мардашка! Хвати стариной!
А ты, раба Божія Евпраксія, водочки — то
подлей!

— Виноградненькаго, батюшка, не соизволите
ли? отвѣчаетъ Евпраксія Михайловна, наливая
въ рюмку сантуринскаго.

— Не подобаетъ!... Настойки давай!.... Мать
твою какъ звать?

— Евдокіей, отче,—Евдокіей.

— Ладно, я уже по ней канонъ за едино-
умершаго прочитаю... Съ поклонами!... А ты во-
дочки-то подлей. — Ну пой, Мардашка; подтяги-
вай вы, красны дѣвицы, скитскія бѣлицы!... Валяй!

«Щи да кашу поставляютъ.

За велико почитаютъ—

Изрядной вотъ обѣдъ.

Пирожка кусокъ дадутъ,

То подумаешь и тутъ,

Какъ-то его съешь.

— Валяй, матери!... Катай каноницы!

И пѣвецъ сладкогласный, оглянутъся не успѣ-
ли, какъ поѣлъ всѣ пироги и левашники.

«Вмѣсто водокъ, сладкихъ винъ —
Поставляютъ квась единъ:
И то за гостя чти.»

— Да подлей же ерофеичу-то, Михайловна!

«По обѣдѣ всѣ по кельямъ,
И какъ-будто отъ бездѣля,
Правило несемъ.
Тогда съ горя и досады
Поискать пойдешь отрады—
Во деревню, за лѣсокъ.....»

— А на деревнѣ-то пташечки-сударушки жи-
вуть! Вотъ этакія же красавицы, какъ и вы!

И пошелъ нашъ старецъ канонницъ хватать.

— Юродствуетъ, юродствуетъ! шепчуть всѣ.

А Варлаамъ продолжаетъ свою душеспаси-
тельную пѣснь:

«Лишь пойдешь за монастырь,
Да возьмешь въ руки костыль,
Вслѣдъ уже бѣгутъ.
Какъ злодѣи набѣжали
И какъ вора сохватили,
Тутъ же цѣпю грозятъ.
Вина хотя не видалъ,
А игуменъ закричалъ:
«Протрезвить должно его.»

— А я ни капельки не пьянъ. Дьяволъ пьянъ,
а инокъ не должонъ быть пьянъ: это все дьяволъ.

«Приведутъ въ келью, запрутъ,
Ключъ игумну отдадутъ.

А ты тутъ хоть умри!
Сутки двое такъ томятъ,
Ничего не говорятъ,
Глядятъ, яко звѣрь!

Да съ этимъ словомъ какъ бросится честной ста-
рецъ въ присядку. И ну припѣвать иную псалму:

«Эй ты, калина-малина!
Валяй старцы на Бисериху!
А дѣвки да молодки
На Купалу на Ивана,
Да на самого болвана,
Эй, на Ярилу-молодца!
Ужь и я ли не Ярила?
Ужь и я ли не Гаврила?
Эй вы, голубки,
«Глядите-ка старцу сюда!

И цапъ-царапъ молодую невѣстку хозяйкину
за рукава бѣломиткалевыя..... Запустилъ десницу.

— Чтò это за безобразіе? Господи! — закричала
невѣстка, взятая изъ Москвы и еще не выдав-

шая, не слышавшая о такихъ подвигахъ старцевъ праведныхъ.

—Юродствуешь, матушка, юродствуешь! шепчуть ей всѣ:—Это, значить, плодъ чрева твоего блаженный благословляетъ.

Спровалили наконецъ кое-какъ блаженнаго юрода въ Гришину келью. Но безъ грѣха дѣло не обошлось: дорогою на усадѣ трехъ работниковъ честной отецъ искровенилъ. Добравшись до мѣста, повалился онъ, не разоблачаясь, на пуховикъ и тотчасъ же захрапѣлъ во всю ивановскую.

Не разъ случалось Гришѣ видать безобразіе старцевъ, что ходили къ Евпраксіи Михайловнѣ; но такого безобразія и онъ еще не видывалъ. Когда, бывало, бродячіе, али и скитскіе старцы, ночью, въ келейной тиши, тихомолкомъ безчинствуютъ, онъ сваливалъ всю бѣду на діавола. «Извѣстно», думалъ онъ: «окаянный силенъ; онъ и горами качаетъ, а представить человѣку сонное мечтаніе, либо видѣніе неподобное—ему ни по чемъ.» Но сколько ни припоминалъ нашъ келейникъ всего читаннаго имъ—и въ «патерикахъ» и въ «прологахъ», и въ «книгѣ о старчествахъ», и

въ разныхъ «цвѣтникахъ» и «сборникахъ»,—нигдѣ не было такого примѣра, чтобы бѣсъ, вселясь въ инока, творилъ, при двадцати челоуѣкахъ, такія дѣла, какихъ въ это утро натворилъ отецъ Варлаамъ.—Развѣ что въ-самомъ-дѣлѣ юродствуетъ?—Объ юродахъ же Гриша читалъ и слыхалъ немало, а самому видѣть ихъ еще не доводилось. Видно, юродъ—отецъ Варлаамъ; иначе какъ же можно, чтобы иноку при всемъ мірскомъ народѣ, въ камилавкѣ, въ кафтырѣ, грибезовскимъ горломъ пѣсни пѣть, бѣсовски плясать и иныя многія непотребства чинить?

Но когда ночью Гриша услыхалъ бесѣду проспавшагося Варлаама съ оказавшимся стариннымъ его знакомцемъ-Мардаріемъ; когда изъ этой бесѣды узналъ онъ, что Варлаамъ за пьянство изъ десяти скитовъ выгнанъ, за разныя непотребныя дѣла пять разъ въ острогѣ, да въ рабочемъ домѣ сидѣлъ, и одинъ разъ своя же братья, раскольники, ему за безчинства на посидѣлкахъ бороду спалили,—то и смекнулъ нашъ Гриша, что варлаамово юродство на иную статью уложено.

«Что же это за старцы, что же это за стол-

ны нашей старой, правой вѣры?» размышлялъ долго послѣ того Гриша. «Гдѣ жь тѣ искусные старцы, которые бы меня, грѣшнаго, правиламъ пустынной жизни научили? Гдѣ же тѣ учительные люди, которые бы уму моему правую вѣру раскрыли?.... Неужели, кромѣ меня, нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который бы истиннымъ подвигомъ отъ юности своей подвизался, и будучи боримъ діаволомъ и страстями, твердо устоялъ во всѣхъ прельщеніяхъ и не поругался бы святому своему обѣщанію?»

Шире и шире разростались горделивыя думы въ распаленной головѣ Гриши, и скоро высокоуміе конечно обуяло его. Еще нѣсколько наблюдений за посѣщавшими его келійку странниками и переходжими богомольцами—и онъ уже сказалъ на молитвѣ:

«Господи! есть ли на землѣ человѣкъ праведенъ, паче меня!»

Рядомъ съ душевной гордыней расловъ немъ и сомнѣніе въ вѣрѣ.

Надо правду сказать, что немногіе, и даже очень немногіе русскіе раскольники, особенно въ настоящее время, совершенно ясно понимаютъ въ

чемъ состоитъ религіозное разномысліе ихъ съ членами господствующей церкви. «Держися книгъ филаретовскихъ да іосифовскихъ крестись въ два перста, молись съ лѣстовкой, новымъ иконамъ не покланяйся, бороды не брѣй, табаку не кури и не нюхай», — вотъ и все почти догматствованіе огромнаго большинства нашихъ раскольниковъ. А разномыслія разныхъ сектъ и начетчики раскольниковъ теперь не совсѣмъ понимаютъ (*).

Но въ средѣ раскольниковъ, какъ и во всякой другой средѣ, есть фанатики. Они тщательно «испытываютъ вѣры», то есть разномыслія многочисленныхъ раскольническихъ толковъ. Твердо увѣренные, что только принадлежатъ къ истинной старой вѣрѣ, можно получить спасеніе и

(*) Расколъ—я не разумѣю подъ этимъ словомъ ни сектъ рациональныхъ (молокане, духоборцы, общіе и неправильно называемые жидовствующими), ни сектъ восторженныхъ, пророчествующихъ (хлысты, скопцы, шелапуты и т. п.)—расколъ давно бы исчезъ на русской землѣ, еслибы три обстоятельства впродолженіи двухъ столѣтій его не поддерживали: *недостатокъ школъ* и вслѣдствіе того невѣжество народнои массы, *преслѣдованія*, которыя воздвигаемы были на сектаторовъ, и *тайна*, въ которую старались обла-

нигдѣ не находя этой старой вѣры въ полной чистотѣ, они съ каждымъ днемъ дѣлаются болѣе и болѣе восторженными фанатиками, особенно если по какому-нибудь случаю подвергнутся преслѣдованію. Отъ такого фанатизма одинъ шагъ до страшной душевной болѣзни — *mania religiosa*, которая нерѣдко влечетъ даже на добровольное самоожженіе.

Гриша, окруженный разнаго рода переходими богомольцами, съ ранней молодости наслушался отъ нихъ о нынѣшнихъ послѣднихъ временахъ, о томъ, что воцарился злой антихристъ и великоенечестіе по всей землѣ распространилось: стали люди бороды брить, латинскую одежду носить, чай, треклятую траву, пити, табачное зеліе курити, паспорта съ антихристовою печатью писати.

Что же дѣлать? Куда дѣваться отъ этого страш-
чать все дѣло. Передъ *гласностью, снисходительностью и просвѣщеніемъ* расколъ долго устоять не можетъ. Да и можетъ ли имѣть какую-нибудь будущность, можетъ ли разсчитывать на долготѣіе убѣжденіе въ томъ, что только то и хорошо, что было на Руси двѣсти лѣтъ тому назадъ, и что развитіе общества, поступательный его ходъ впередъ, прогрессъ—есть ни что иное, какъ грѣховное шествіе темнымъ, но широкимъ путемъ—прямо въ пропасть геенны?

наго врага? Смотрить Гриша въ книги, и находить, что отъ антихристовой злобы истинные рабы Христовы имутъ бѣжати въ горы и вертепы, хорониться въ пропасти земныя; а кто не побѣжитъ изъ многопрелестнаго міра, тотъ будетъ уловленъ антихристомъ въ бѣсовскія его сѣти и погибнетъ погибелю вѣчной.... И ключемъ кипѣла горячая кровь юнаго фанатика — только то и держалъ онъ на умѣ, какъ бы найти искуснаго старца, строгаго подвижника, жителя пустыни, чтобы съ нимъ бѣжать отъ антихристовой власти въ дебри лѣсныя. И въ то же время злобой распалось сердце Гриши на всѣхъ, кого онъ считалъ антихристовыми слугами. Онъ взмелѣялъ въ душѣ своей извѣстное правило раскольниковъ фанатиковъ: «съ табашникомъ, щепотникомъ и бритоусомъ и со всякимъ скобленнымъ рыломъ не молись, не дружись, не бранись», и дошелъ до сознанія, что «никоніанина пришибить — семь пятницъ молока не хлебать». И врядъ-ли бы дрогнула рука двадцатилѣтняго Гриши, если бы выпалъ ему случай сотворить зло кому-нибудь изъ церковниковъ..... Евпраксія Ми-

хайловна, какъ и всѣ живущіе въ міру раскольники по рогожскому согласію, не имѣла и тѣни такой нетерпимости, не разъ журила онъ Гришу за вырвавшіяся у него подѣ-часъ злобныя слова, но журьба доброй женщины не трогала его. Мрачно молчалъ онъ, слушая ея рѣчи, и душою болѣлъ за свою благодѣтельница, что вотъ, дескать, и добра и милостива, а вдалась же въ грѣховную суету и совсѣмъ «обміршилась».

Глядя на безчинство и безобразіе въ своей келійкѣ странныхъ старцевъ и переходящихъ богомольцевъ, Гриша ужъ не думаетъ, что это бѣсы его смущаютъ; нѣтъ, гордыня совсѣмъ обуяла его. Уже безъ грусти, безъ истомы сердечной смотритъ, бывало, онъ въ щелочку изъ своей каморки, какъ честныя отцы со штофами бесѣдуютъ, а иной разъ и курочкой жареной не брезгаютъ. Нѣтъ, безчинство старцевъ, ихъ разговоры о вещахъ непотребныхъ какъ-то, особымъ образомъ, радовали теперь нашего келейника. Досыта насмотрѣвшись на безчинныхъ, онъ становился на свои кремни и битое стекло босыми ногами, налагалъ на себя вериги и на-

чиналъ класть земные поклоны сотню за сотней. И на устахъ его была кичливая молитва о прощеніи согрѣшеній безчинныхъ старцевъ, а въ душѣ то-и-дѣло твердилъ тайный голосъ: «Господи! да есть ли же гдѣ-нибудь человекъ праведенъ, паче меня!»

Пересталъ Гриша выходить на рѣчку, пересталъ отъ зари до зари воспѣвать прекрасную мать-пустыню, про сладкія слезы позабылъ, что, бывало, незамѣтно для него текли изъ глазъ, по цѣлымъ часамъ устремленныхъ на чернѣющую вдали полосу лѣса.

За то сильнѣе мучилъ Гришу другой вопросъ. Многого онъ начитался, многого наслушался отъ привитавшихъ въ его кельѣ. Слыхалъ не разъ, какъ поповщинскіе раскольники промежъ себя спорили насчетъ новаго священства; слыхалъ какъ поморцы хулятъ поповщину за поповъ, еедосѣвцы поморцевъ за браки, филипповцы еедосѣвцевъ за то, что не по уставу кладутъ поклоны, а сопѣлковскіе бѣгуны всѣхъ проклинаютъ, кто у себя въ домѣ живетъ. И всѣ-то они другъ друга еретниками обзываютъ, всѣ-то

чужому толку наносятъ укоры, всё то хвалятъ одну свою вѣру. И день и ночь сталъ размышлять Гриша: «Да гдѣ же правая вѣра, да гдѣ же истинное ученіе Христово?» И молился Гриша со многимиъ воздыханіемъ, и даже со слезами, да пошлетъ Господь къ нему человѣка, который бы указалъ ему правую вѣру.

Однажды, позднимъ вечеромъ, раннею весною, звякнуло желѣзное кольцо калитки у дома Евпраксіи Михайловны, и тихимъ, слабымъ голосомъ проговорилъ кто-то молитву Іисусову за воротами. Привратникъ отдалъ обычный «аминь» и отперъ калитку. Вошелъ древній старецъ высокаго роста. Преклонныя лѣта и долгое подвижничество сгорбили станъ его; пожелтѣвшіе волоса неровными, всклокоченными прядями висѣли изъ-подъ шапочки; на старцѣ была дырявая лопатинка, на ногахъ протоптанныя, корцовыя лапти; за плечами былъ невеликій пещуръ.

— Что тебѣ, дѣдушка? спросилъ привратникъ.

— Охъ, родименькой! зашамкалъ старикъ, задыхаясь и тяжело опускаясь на прикалитную

скамью: — указали мнѣ боголюбцы путь въ домъ сей ко благочестивой вдовицѣ, ко Евпраксіѣ Михайловнѣ.

Привратникъ, не впервые принимавшій странниковъ, впустилъ старца.

— Одинъ, что ли, старче, али еще кто есть? спросилъ онъ его.

— Одинъ, одинъ, родимый ты мой.

— Пойдемъ, старче.

И повелъ его въ домъ. Евпраксія Михайловна еще правило вечернее съ канонницами справляла. Велѣла старца въ моленную ввести.

— Миръ дому сему, — сказалъ онъ, уставно и истово помоясь предъ облитыми лампаднымъ свѣтомъ, серебropозлащенными иконами и кланяясь до земли хозяйкѣ.

— Садись-ка, старче Божій, обогрѣйся. Вишь у тебя лопатинка-то ветхая какая. А на дворѣ-то морозно, время погодливое. Сядь вотъ здѣсь, старче. Да велите, матери, кликнуть Гришу. Господь, молъ, гостя дароваль. Сними пещуръ-то, старче; ишь какъ умаялся, Принесите-ка сюда горячаго кушанья, матери. Да топлена ли у

Гриши келійка-то? Что-то онъ пүстошничать за-
чалъ, Христось съ нимъ. Да и старцы-то давно
не привитали—третья недѣля. Не диво—не-
погодъ такая, распутица. Сними-ка ты, стар-
че Божій, пещуръ-то.

И не дожидаясь отвѣта, сама стала снимать
со старца ношу, но коснувшись плечъ его от-
шатнулась и благоговѣнно прошептала молитву.
Рука ея тронула плохо прикрытыя рубищемъ,
вросшія въ тѣло старца—желѣзные вериги.

Старець снялъ пещуръ. Евпраксія Михайловна,
бережно, творя молитву, поставила его подъ образа.

Вошелъ Гриша. Полузамерзшій старецъ малень-
ко поотдохнулъ въ жарко-натопленной моленной.

— Господа ради, сокрый меня, грѣшнаго, на
малое время въ стѣнахъ твоихъ, боголюбивая ма-
тушка, проговорилъ онъ тихо.

— Рада всей душой, старче. А можно ли свя-
тое имя твое узнать?

— Грѣшный инокъ Досиѣей...

— Ахъ, батюшка, отецъ Досиѣей! Что же ты
прежде не повѣдалъ намъ ангельскаго своего
чина?

И твоя «метанія» — какъ она, такъ и всѣ бывшія въ моленной, уставно кланялись старцу по дважды, приговаривая: «Прости, честный отче! благослови, честный отче!»

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, — отвѣчалъ Досиѳей. И самъ сотворилъ всѣмъ «метанія».

— Откуда грядешь, куда путь держишь? заговорила Евпраксія Михайловна, по совершеніи уставнаго обряда.

— Града настоящаго не имѣю, но грядущаго взыскую, — отвѣчалъ старецъ: — путь же душевный подобаесть намъ, земнымъ, къ солнцу правды держати; аще тако Отецъ небесный устроить. Тѣлесный же путь кто исповѣсть?

«Бѣгунъ сопѣлковскій (*), думаетъ про себя

(*) *Сопѣлковскіе бѣгуны*, по моему мнѣнію, не составляютъ религіозной секты, хотя нѣкоторые писатели и называютъ ихъ особой сектой. Это нераскольники. Это сборище людей, удалившихся отъ общества и подъ личиною религіозныхъ убѣжденій совершающихъ дѣла, не терпимыя ни въ какомъ благоустроенномъ обществѣ. Поддѣлка монеты, составленіе фальшивыхъ документовъ, воровство, конокрадство, грабежи — самыя обыкновенныя

Гриша, давно наметавшійся среди переходжихъ богомольцевъ и съ разу узнававшій мало что по рѣчамъ, но даже по самой одеждѣ, ихъ согласія.

— Праведны рѣчи твои, отче Досиѣей, праведны твои рѣчи, — набожно, полушопотомъ говорила Евпраксія Михайловна.

ихъ дѣянія. Между открытыми бѣгунами были люди съ клеймомъ палача на лбу или съ буквой Б. на рукѣ. Не знающіе раскола, или — что еще хуже — знающіе его только изъ печатныхъ книгъ — принимаютъ бѣгуновъ за *раскольниковъ* потому только, что у нихъ не сходятъ съ языка слова писанія; что они исполняютъ разные обряды и сдѣланные ими преступленія усиливаются оправдать quasi религиозными убѣжденіями. Никакіе раскольники, равно никто изъ принадлежащихъ къ толкамъ раціоналистовъ (молокане, общіе и пр. т. п.) и къ сектамъ восторженниковъ (хлысты, скопцы, богомилы, наполеонисты и пр. т. п.) никогда не причисляли и не причисляютъ бѣгуновъ къ своимъ. Бѣгуны въ свою очередь гнушаются всѣми и проклинаютъ всѣхъ. Они большіе начетчики, большіе казунсты и большіе мастера возбуждать въ неофитахъ фанатизмъ и такое слѣпое повиновеніе, съ которымъ можетъ сравниться развѣ только повиновеніе ассасиновъ — старцу горы. — Досиѣей — не бѣгунъ, онъ раскольникъ. Типъ бѣгуна представленъ въ лицѣ Ардіана.

Нѣсколько минутъ молчанія. Старець сидитъ, тяжело опустившись; движеніемъ губъ онъ творитъ молитву, а словъ не слышно. Радостнымъ ликомъ, свѣтлыми очами глядитъ на прихожаго трудника вдовица, и тайно творитъ молитву. Безмолвно сидятъ келейницы и канонницы, исто-во перебирая лѣстовки. Мѣрно чикаетъ маятникъ стѣнныхъ часовъ, повѣшенныхъ у входа въ мо-ленную.

— Въ пустынѣ жилъ я, матушка,—заговорилъ тихой рѣчью старецъ:—въ пустыни я жилъ не-подалеку отсюда—въ лѣсахъ Поломскихъ. Не малое время проводилъ азъ, грѣшный, въ пу-стынѣ. Келійку своими руками построилъ, печку ради зимняго мраза, помышлялъ и жизнь тамо грѣшную покончить... А нынче—двѣ недѣли то-му—на самое Сборное воскресенье попущеніе Божіе было. Отлучился азъ, грѣшный, ради тѣ-лесныя нужды, дровишекъ изъ буреломника на-брать. Подхожу къ своей келійкѣ—только ды-мокъ отъ головешекъ мало-малокурится..... Сго-рѣла!.. Немалое время жилъ я въ ней, матушка, сорокъ лѣтъ, и не было ко мнѣ ни ѣзду, ни хо-

ду; сорокъ лѣтъ людей почти не видалъ.... Сгорѣла!.. Привыкъ я къ келійкѣ, матушка, чаялъ и помереть въ ней, домовину выдолбилъ—думалъ лечь въ ней, въ келійкѣ она у меня стояла... Сгорѣла!.. Годы мои старые, матушка, годы большіе, а плоть немощна. Не снести мнѣ безъ келійки зимняго мразу—треба новую келійку поставить. Вотъ, слыша отъ боголюбцевъ про твои добродѣтели, прибрелъ я къ тебѣ, Евпраксія Михайловна,—дай мнѣ пережить до лѣта; не оставь меня, грѣшнаго, Христа ради. А лѣтомъ, Богу произволяющу, я бы опять побрелъ въ свою пустыньку, опять бы кельеночку поставилъ, домовинушку бы сдѣлалъ.... Не оставь Христа ради!

И дряхлый Досиѳей упалъ въ ноги Евпраксіи Михайловны. А она поднимаетъ его, сама земное поклоненіе творить, а слезами такъ и обливается.

— Слышала я,—говорить,— старче, слышала про ваше несчастіе. Пала и къ намъ вѣсть, что исправникъ самъ въ Поломскіе лѣса выѣзжалъ, чтобы старцевъ ловить да кельи жечь. Экой злорадный, прости Господи!

— Не кори его, Евпраксія Михайловна,— сказалъ на то Доснеей.— Не моги корить.— Развѣ не знаешь завѣта: «твори волю пославшаго?»... А послушаніе паче поста и молитвы..... Не злорадство тутъ его, а воля Божія. Вѣдь безъ воли-то Господней и власъ съ главы человѣка не падаетъ. Да и то памятовать надо, что житіе дано намъ тѣсное и путь узкій, терніемъ, волчцами покрытый. Терпѣть надо, матушка; терпѣть надо, Евпраксія Михайловна: — въ терпѣніи надо стяжать свою душу. Слава Христу Царю небесному, что посѣтилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Вотъ что!

— Праведны рѣчи твои, старче,— сказала Евпраксія Михайловна:— Правда во устахъ твоихъ; что про то и говорить! Да за что же это они на насъ такъ лютуютъ? Вѣдь и они во Христа вѣрують, и мы того же Христа исповѣдуемъ. За что же?

— На то есть смотрѣніе Господне. Стало-быть такъ надо. Не испытуй Сотворшаго!.. строго замѣтилъ старецъ.

Доснеея напоили, накормили; Гриша проводилъ его въ келійку.

— Богъ спасеть, родименькій, Богъ спасеть, — говорилъ старецъ на усердныя послуги Гриши, когда онъ, затепливъ передъ иконами лампаду, прибралъ къ мѣсту старцевъ пещуръ, закрылъ ставни, а потомъ съ обычными «метаніями» по чину простился и благословился.

— Богъ простить, Богъ благословить, отвѣчалъ Досиѳей... Охъ ты, мой любезненькой! Спасибо тебѣ... Поди-ка а ты, малецъ, поди, рабъ Божій, успокойся.

Ушелъ Гриша за печку-голанку въ свою каморку. — И тотчасъ къ щелкѣ.

И видитъ онъ: старецъ, оставшись въ мантейкѣ и келейной, камилавкѣ, хотя и былъ истомленъ труднымъ путемъ и непогодой, становился на великое правило ночное и сталъ читать положенныя по уставу молитвы. Часъ идетъ времени, другой, третій. — Гришу сонъ сталъ клонить, а старецъ всё молится. — Заснулъ нашъ келейникъ, проснулся, къ щелкѣ тотчасъ — смотритъ, а старецъ все-еще на правилѣ стоитъ.

Досиѳей дожилъ у Евпраксіи Михайловны въ келійкѣ до той поры, какъ рѣки спали

и можно стало лѣсомъ ходить. Онъ никуда не выходилъ и, кромѣ Евпраксіи Михайловны да сыновей ея, никого и не пускалъ къ себѣ. Не только въ Колгуевѣ, да и на усадѣ у Гусятниковыхъ мало кто и зналъ о прохожемъ старцѣ. — Гриша былъ при немъ безотлучно.

Не видалъ еще онъ такихъ старцевъ, — и смирилъ въ себѣ гордыню, увидѣвъ, что Досиѣей не въ примѣръ строже его всѣ правила исполняетъ, съ молитвы почти не сходитъ, ѣстъ по сухарику въ день, а когда сномъ подкрѣпляетъ древнее свое тѣло — только одинъ Господь вѣдаетъ.

Собрался Досиѣей въ путь-дорогу. Евпраксія Михайловна денегъ давала — не беретъ; свиту новую, сапоги предлагала, — ничего не беретъ; взялъ только ладану горсточку, да пятокъ восковыхъ свѣчъ. Ночью, передъ отходомъ старца, Гриша сѣлъ при ногахъ его и просилъ поучить его словомъ. Въ шесть недѣль, проведенныхъ Досиѣемъ въ кельѣ, не удалось Гришѣ выбрать часочка для бесѣды съ нимъ. Тó на правилѣ старецъ стоитъ, тó «умную молитву» творить, тó въ безмолвіи обрѣтается.

— Скажи мнѣ, отче—повѣдай рабу твоему, въ какой пустынѣ спасалъ ты свою душу; гдѣ ты, отче, подвигомъ добрымъ подвизался? И меня влечетъ въ пустыню, и меня влечетъ безмолвное житіе... Повѣдай же, отче, гдѣ такова пустыня?

— Нѣтъ моей красной пустыни!... Нѣтъ ея больше!... съ грустью отвѣчалъ старецъ:—Келійка моя сгорѣла и домовинушка сгорѣла... Пришелъ, анъ только однѣ головешки....

— Слышалъ, отче, слышалъ такое твое озлобленіе... Ироды! пилаты!

— Кто ироды, гдѣ пилаты?—сказалъ строго, вставая съ лавки и выпрямляясь во весь ростъ, Досиѳеѣй.

— А лиходѣи-то твои! Никониане-то! Укажи мнѣ ихъ, отче, укажи мнѣ твоихъ злодѣевъ — я зубами черева изъ нихъ повытаскаю.

— А во Христа ты вѣруешь?—спросилъ Гришу старецъ, пристально и строго глядя на него.

— Вѣрую, отче святой—по старинному вѣрую.

И перекрестился истоиво двуперстнымъ крестомъ.

— А слыхаль ли ты, друже, какъ Христось-то на лобномъ мѣстѣ, на крестѣ за жидовъ молился?

— Читаль, отче... Господь грамотъ меня сподобилъ: самъ читаль про это.

— А читаль ли ты, что онъ отъ нихъ вытерпѣлъ: и заушенія, и заплеванія, и по ланитамъ бїенія, и смерть крестную. А не было за нимъ ни одинаго грѣха. А все-таки за мучителей своихъ молился... А намъ-то что повелѣлъ онъ творить? Самую-то главную заповѣдь какую онъ намъ далъ?... Читаль ли?... Любить враговъ повелѣлъ... Читаль ли ты объ этомъ?

— Читаль, отче.

— А читаль ли, что всякая кровь на чело-вѣкѣ взыщется?

— Читаль. Да вѣдь ихъ не грѣхъ. Вѣдь они еретики, враги Божіи.

— Они люди, Гриша! А всякъ чело-вѣкъ кровью Христовой искупленъ, и кто проливаетъ кровь чело-вѣка, тотъ Христову кровь проливаетъ и съ богоубійцами жидами равную часть прие-млетъ.

Гриша быстро подскочилъ къ старцу. Смрениія въ немъ ужь какъ и не бывало. Глаза фанатика горѣли, кулаки были стиснуты.

— Да ты какого согласу, батюшка, самъ-то будешь? спросилъ онъ Досиеея нахальнымъ тономъ.

— Христіанинъ.

— Да нѣтъ, братъ, ты хвостомъ-то не вилай; не отлынивай! Ужь не напоганилъ ли ты у меня своимъ духомъ келійку-то? Ужь самъ-то ты не по никоновой ли тропѣ гуляешь?

— Держуся книгъ филаретовскихъ и іосифовскихъ.....

— Такъ какъ же ты это говоришь, что никоніанинъ такой же человекъ, какъ и мы, крещенные старымъ крещеніемъ? По-твоему, чего добраго, и въ пищѣ и въ питіи съ еретиками общеніе можно имѣть?

— Можно, Гришенька,— да мало того, что можно,— и должно.

— Да ты въ своемъ ли умѣ, старина?

— Да, должно. Знай, что всякіе споры о вѣрѣ—грѣхи передъ Господомъ. Всѣ мы братья,

всѣхъ единого Христа исповѣдуемъ. А помнишь ли, что Господь-то, ходивши по землѣ, и съ мытарями бѣлъ и съ язычниками общеніе имѣлъ—никого не гнушался? Какъ же мы-то дерзаемъ гнушаться? Святѣе, что ли, мы его?

— Да вѣдь они въ три перста, щепотью молятся.

— А сколькими перстами велѣлъ Господь самаряныни у кладезя молиться? Это ты читалъ, что надо кланяться духомъ и истиною? А два ли, три ли перста сложишь—это ужъ послѣднее дѣло...

— Уйди, уйди отъ меня, окаянный! закричалъ отскакивая отъ старца, Гриша:—Исчезни!

«Это бѣсъ лукавый; это черный эѳіопъ пришелъ во образѣ старца меня смущати», подумалъ Гриша и, по-часту ограждая себя крестнымъ знаменіемъ, громко началъ творить молитву на отгнаніе злаго духа:

«Запрещаю тебѣ, вселукавый дѣше, діаволе, не блазни мя мерзкими и лукавыми твоими мечтаніями, отступи отъ меня и отыди отъ меня, проклятая сила непріязни; отыди въ мѣсто пусто,

въ мѣсто бесплодно, въ мѣсто бесводно, идѣ же огонь и жупель, и червь неусыпающій»...

А старецъ въ ноги упалъ Гришѣ и, слезами обливаясь, молитъ его придти въ себя, не убивать души своей челоуѣконенавидѣніемъ. Долго молилъ его, наконецъ всталъ, и въ путь грядущій положилъ семипоклонный началъ.

— Да просвѣтитъ твой умъ и очиститъ сердце твое любовію самъ Господь, сказалъ онъ заклинающему бѣсовъ келейнику и тихо вышелъ.

Гриша былъ самъ не въ себѣ. Твердо убѣжденный, что цѣлыя шесть недѣль онъ провелъ съ бѣсомъ,—не одной молитвой старался онъ очистить себя отъ невольнаго оскверненія: налагалъ на себя вериги съ твердымъ намѣреніемъ не скидать ихъ уже до смерти, ложился голымъ тѣломъ на кремни и битыя стекла, и цѣлый день крохи хлѣба въ ротъ не бралъ; обрекая себя на самый строгій, безъядный постъ на столько дней и ночей, сколько пробылъ онъ вмѣстѣ съ Досиѣемъ. И цѣлый день и весь вечеръ все ему чудились различныя мечтанія: и бѣсовскіе звуки, и топоты ножные, и скаканія, и свистъ, и голкъ, и кличи

страшные, и грёзы нелѣпыя, и нѣкія гудѣнія свирѣли, волынки, бубна. И чѣмъ больше склонялся день къ вечеру, чѣмъ темнѣй становились сумерки, все громче-и-громче слышались Гришѣ бѣсовскіе звуки. Вотъ и молодой мѣсяцъ блеснулъ въ небѣ золотымъ краемъ, и звѣздочки вспыхнули на востокѣ, и блѣднѣетъ заря вечерняя, и стихъ людской шумъ, и настала тихая, благоуханная майская ночь, а Гриша все борется съ невидимымъ діаволомъ, все читаетъ молитвы. И слышитъ онъ, что издали, съ рѣчки, изъ-за недавно зазеленѣвшихъ ракетъ несутся звуки волынки, гудка, новорощенной свирѣли и громкой пѣсни семика:

«Покумимся, кума, покумимся,

Мы семицкою березкой покумимся.

Ой Дидь-Ладо! честному семику,

Ой Дидь-Ладо! березкѣ моей,

Еще кумушкѣ, да голубушкѣ: —

Покумимся!

Покумимся!

Не сваряся, не браняся!

Ой Дидь-Ладо! березка моя!»

— Иждену же я тебя, духъ проклятый! Иду брань сотворить со діаволомъ! воскликнулъ Гриша, и быстро выбѣжавъ изъ кельи, отпра-вился скорымъ бѣгомъ на всполье.

И видитъ: многое множество красныхъ дѣвицъ поетъ и пляшетъ у ракигъ надрѣчныхъ. Всѣ въ бѣломъ, у всѣхъ на головахъ вѣнки, у всѣхъ въ рукахъ березовыя вѣтки. Подъ ракетами одалъ сидятъ молодые парни — кто съ сурной, кто съ волынкой, кто съ новорощенной свирѣлью. Въ полночный, дѣвичій семиковый хороводъ имъ мѣшаться не слѣдъ... И слышитъ Гриша ясные веселые голоса живаго семиковского хоровода:

Въ Арзамасъ, въ Арзамасъ — на украсъ
Соходилися молодушки въ единъ кругъ,
Они думали крѣпку думу за-едино:
Ужь мы сложимтесь, молодки, по алтыну,
Мы пойдемте къ арзамасскому воеводу.
«Охъ, ты, батюшка нашъ, арзамасскій воевода!
Ты прими, сударь, пожалуйста, не ломайся,
Дай намъ волю, дай намъ волю надъ мужьями!»

Бодро, твердымъ шагомъ идетъ съ подня-тымъ вверхъ двуперстнымъ крестомъ Гриша,

идеть на борьбу съ бѣсовскою силой и громко, истово читаетъ заклія:

— Запрещаю вамъ, стихійныя силы и всякія порожденія діавола. Заклинаю васъ страшнымъ и прешрашнымъ и неприступнымъ...

А семиковскій хороводъ громче:

«Какъ возговоритъ арзамасскій воевода:

• Вотъ вамъ воля, вотъ вамъ воля надъ мужьями
Вотъ вамъ воля, вотъ вамъ воля на недѣлю»...

Что за воля, что за воля на недѣлю?

Все едино, все едино, что неволя.»

— Исчезни и отыди въ злосмраднѣйшій огонь гееннскій, князь бѣсовскій со аггелы своими! въ мѣсто пусто, въ мѣсто безводно, въ мѣсто бесплодно! заклиняетъ нашъ постникъ.

А у ракичь игра своимъ чередомъ идетъ. Тамъ другую пѣсню запѣваютъ:

«Дай намъ шильцо да мыльцо,

Бѣлое бѣлильцо

Да зеркальцо,

Копейку да денежку —

За красную дѣвушку!

Ой, Диди Ладю!

Семика честнаго яичницу!»

— Запрещаю тебѣ, вселукавый дѣше, проклятый сатано!.. говоритъ Гриша, приближаясь къ полку бѣсовскому.

Но завидя его, дѣвницы вострепнулись, съ гикомъ, съ гамомъ загѣли старую пѣсню:

«Монашекъ, монашекъ,
Купи намъ калачикъ!
Мы тебя, монашекъ, поцалуемъ,
Подъ ракиновымъ кусточкомъ побалуемъ.»

И вереницей бросились на Гришу. И ну его цаловать, миловать, къ сердцу прижимать; а онъ, все-таки видя въ нихъ не дѣвъ благочестивыхъ, но преисподнихъ бѣсовъ, знай свое читаетъ, посылая ихъ «въ мѣсто пусто, мѣсто безводно, мѣсто бесплодно»...

И какъ это случилось—не знаю, но нѣкій отъ черныхъ ээіопъ, во образѣ полной жизни и огня, высокогрудой Дуняши, смутилъ строгаго постника, строгаго молчальника, строгаго веригоносителя, который такъ недавно съ полнымъ сознаниемъ говорилъ на молитвѣ: «Господи, есть ли на землѣ человѣкъ праведенъ, паче меня!»...

И сотвори ему бѣсъ, во образѣ Дуни, пакость велию.....

.
.

Встало солнце. Цѣлый день Гриша отплевывался, вспоминая блудную ночь. Хочетъ молитву читать, но бѣсъ, во образѣ Дуни, такъ и лѣзетъ ему въ глаза. Все-то ему мерещится—то раковый кусточекъ надъ сонной рѣчкой, то бѣлоснѣжная грудь, едва прикрытая миткалевой сорочкой.

Только на третій день пришелъ въ себя Гриша. И залился онъ горячими слезами. «Погубилъ я все свое житіе подвижное. И к чему же былъ этотъ постъ, эти вериги, эти кремни, стекло битое? Не спасли они меня отъ искушенія, не избавили отъ паденія... Загубилъ я свою душу праведную на вѣки вѣкомъ....»

Какъ разъ на другой вечеръ послѣ того, какъ бѣсъ, во образѣ Дуняши, сотворилъ нашему кейнику пакость велию, попросился на ночлегъ къ Евпраксіи Михайловнѣ такой старецъ, какихъ Гриша еще и не видывалъ. Это былъ сухой, сѣденькій, не высокаго роста старичокъ, съ жи-

выми, черными, какъ уголь горящими глазами. Одѣтъ онъ былъ въ плотно-застегнутое на мѣдныя, шарообразныя, невеликія пуговики, суконное полукафтанье, съ малыми борами назад. Рѣденькая бородка была тщательно у него разчесана; недлинные, гладко примазанные волосы спускались съ головы небольшими, кудрявыми, серебристыми локонами. Поступь такая тихая, такая степенная, такая осторожная—ни дать, ни взять кошачья. Старецъ былъ такой чистенькій, такой гладенькій, рѣчь его была такая томная, такая сладостная, вкрадчивая. Былъ еще не старъ, а звалъ себя грѣшнымъ Ардаліономъ.

Дня три прожилъ Ардаліонъ у Евпраксіи Михайловны, и не было еще въ келіи переходяго старца, который бы такъ пришелся по сердцу Гришѣ, какъ этотъ постникъ и молчальникъ. Хоть, по словамъ его, и держалъ онъ странствие только по людямъ, что сами во всемъ старинки придерживаются, все же таки онъ ѣлъ, пилъ изъ своей посуды; воды, бывало изъ общей кадкине попьеть, самъ сходитъ на рѣчку, самъ почерпнетъ водицы въ свой берестяной туесокъ. И къ

вариву, что принесеть, бывало, Гриша съ поварни Евпраксіи Михайловны, пальцемъ не коснется, окомъ не взглянетъ, пока не очиститъ брашна молитвой, не положитъ трехъ сотъ земныхъ поклоновъ: столь доброопасную строгость въ общеніи съ малознаемыми людьми имѣлъ. — Сперва все допытывался онъ у Гриши объ Евпраксіи Михайловнѣ, да не про то, какъ душу спасаетъ, какого держится толку и изъ какихъ старцевъ у нея отецъ духовный, а про то больше, въ какомъ она капиталѣ и каковы ея дѣла по торговлѣ, и воротились ли сыновья изъ Москвы, и за наличныя ли деньги товаръ продали. — А все, какъ будто стороной, да мимоходомъ. Говоритъ ему Гриша, что знаетъ, что слыхалъ ненарокомъ; а отецъ Ардалионъ таково тяжело вздыхаетъ: «Охъ, суета, суета! говоритъ, какъ-то за эту суету на страшномъ Христовомъ судищѣ отвѣтъ давать? Въдъ всякимъ людямъ, чадо, уготована часть въ царствіи небесномъ; внидутъ въ селенія праведныя и тати, и разбойники, и блудники, и сластолюбцы, аще добрымъ покаяніемъ, постомъ и молитвою очистятъ грѣхи свои; только не внидутъ въ

*

царствіе Божіе еретикъ да богатый. Имъ нѣтъ части въ славу Божіей».

А ночью Ардаліонъ съ правила не сходитъ — лѣстовокъ сто и больше простоятъ.

По душѣ пришелся этотъ старецъ Гришѣ: такой онъ строгій, такой суровый, а проклятія на впадшихъ въ мірскую суету, на невозлюбившихъ тѣснаго пути подвижничества, такъ и льются потокомъ изъ устъ его. На третью ночь, когда уже все стихло, и Ардаліонъ, поставивъ въ особомъ углу свои мѣдные образа, — чужимъ иконамъ онъ не поклонялся, а только своимъ, — собирався стать на правило, — робко, дрожа всѣмъ тѣломъ подошелъ къ нему Гриша. Кладетъ онъ передъ старцемъ уставныя «метанія», припадаетъ къ ногамъ его.

— Жаждетъ душа моя, говорить: — жаждетъ учительнаго словеси твоего, отче святыи, стремится къ тебѣ духъ мой..... Не отвергни меня грѣшнаго!

— Чего же хочешь ты, чадо, отъ меня неискуснаго? спрашиваетъ тихо Ардаліонъ, сидя на скамьѣ.

— Дай мнѣ часть въ молитвахъ твоихъ праведныхъ, дозвожь мнѣ съ тобою стать на правило...

А потомъ учи меня, я готовъ до смерти моей служить тебѣ и поучаться отъ тебѣ.

— Добръ изволь твой, чадо. Добръ твой изволь. Но на общеніе въ молитвѣ съ тобою держать не могу.

— Отче святой, — я правой вѣры, я старой вѣры — никоей ереси во мнѣ нѣтъ. Я великій грѣшникъ предъ Господомъ, но ни еретикомъ, ни идоложерцомъ не былъ.

И слезы градомъ катились по щекамъ восторженнаго Гриши.

— Въ нынѣшнія, послѣднія времена, тихой, вкрадчивой рѣчью заговорилъ Ардаліонъ: — міръ преисполненъ ересей..... Благодать давно взята на небо, и стадо избранныхъ, вѣрныхъ рабовъ Христовыхъ день-ото-дня малѣетъ. Да, чадо, вселенная стала пуста, нѣтъ истиннаго благочестія, и темный облакъ злолютыхъ ересей покрылъ мракомъ землю. Пустилъ по людямъ многопрелестную власть свою врагъ — діаволь. Все осквернено имъ — и грады, и сѣла, и дома, и стогны — вездѣ смрадъ его дышетъ. И какъ волки въ овчихъ одеждахъ, многіе служители его являютъ

ся, и зовуть себя: «я правой вѣры, я старой вѣры». Всѣ нарицаются старообрядцы—и тѣ, что зовутся поповщиной, а вѣра ихъ пестра, и тѣ, что поморцами прозваны, еедосѣвцами, и филиповцами; но всѣ они одного ехиднаго порожденія. Крещеніе ихъ нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе—и всякъ, кто имѣетъ какую часть съ ними—еретикъ и отъ Бога отверженъ. Какую бы строгую подвижническую жизнь ни проводилъ онъ въ трудахъ неусыпныхъ, въ постѣ, въ молитвѣ, въ милостыни, въ нищелюбіи и страннолюбіи—всуге трудится. На челѣ и на деснѣй рукѣ его печать антихриста, и онъ уготованъ діаволу и аггеламъ его,—того ради, что онъ еретикъ.

— Но гдѣ же правая вѣра, отче? Научи меня, выведи меня на прямую дорогу.

— Вѣра истинная тамъ—въ пещерахъ, въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ. Все теперь растлѣно прелестью антихриста,—и земля, на тридцать сажень оскверненная нечестіемъ людей, вопіетъ къ Богу, прося попалить ее огнемъ и очистить отъ всякія скверны человеческой. Кто ищетъ спасенія, тотъ долженъ

оставить все—отца, мать, родныхъ, друзей, отъ всего отрещись и бѣжать въ пустыню. И не слѣдуетъ жить подъ одной кровлей—твоя ли она, чужая ли, все—равно—бѣги, бѣги и странствуй по земли, дондеже воззоветъ тебя Господь. Имѣть свой кровъ—незамолимый грѣхъ, не избудешь его никакими молитвами, никакими поклонами, никакимъ дѣломъ душевнаго спасенія. Будь какъ птица небесная, и вся вселенная будетъ—твоя.... Бѣги и брань твори со антихристомъ.

— Но гдѣ же онъ, отче, скажи мнѣ...

— Брань со антихристомъ—противленіе его заповѣдяхъ. И прехвальнѣе того подвига нѣтъ и спасительнѣе для души нѣтъ ничего.

— Отче, я готовъ, порывисто сказалъ Гриша вставая на ноги.

Онъ все—еще лежалъ до тѣхъ поръ у ногъ Ардаліона.

И потомъ восторженное лицо его вдругъ омрачилось. Снова припалъ онъ къ стопамъ Ардаліона и, обливаясь слезами, заглушая слова рыданіями, проговорилъ:

— Недостойнъ я, отче святыи, недостойнъ та-

кой благодати. Отъ юности моей бороли мя страсти, не устоялъ я, окаянный, супротивъ сѣтей діавольскихъ: осквернилъ я, грѣшный, тѣло свое и душу свою.— Палъ я, отче святой...

— Что такое? что такое? Повѣдай мнѣ, чадо, безъ всякой утайки,— какъ отцу духовному повѣдай.

И рассказалъ ему Гриша повѣсть дней своихъ отъ самаго того дня, когда взятъ онъ былъ въ богоданную келійку Евпраксіи Михайловны, какъ онъ думалъ подвигомъ молитвы и изможденія плоти спасти свою душу, какъ боролся съ нимъ діаволь, и все, все рассказалъ до самой той ночи, какъ на праздникъ семика онъ, въ умѣ или не въ умѣ, соблазненъ былъ нѣкимъ отъ Еѳіопъ.....

— Встань, чадо,— отвѣчаетъ на его слезы и рыданія Ардаліонъ.— Это не грѣхъ, но только паденіе. И велико твое паденіе, но всякъ грѣхъ— кромѣ еретичества— таково оплаканный, не только прощается, но чрезъ покаяніе еще вышаетъ душу павшаго. Есть грѣхи тѣлесные горше того, и тѣ слезами никогда не очищаются.— Таковъ бракъ..... Вотъ это грѣхъ, смертный

грѣхъ, потому что въ бракѣ человѣкъ каждый день падаетъ и не кается, но еще грѣхъ свой вмѣняетъ себѣ въ правду. Это грѣхъ незамолимый—онъ прямо ведетъ во тьму кромѣшную!.. А кто падетъ, какъ ты палъ, и покается—чистъ отъ грѣха. Хочешь ли очиститься отъ всякія скверны?

— О! хочу, отче святой! Но какъ?...Научи, наставь меня!

— Ты долженъ креститься въ правую вѣру и имя другое принять, и всѣ паспорта и всякія бумаги откинуть, потому-что на нихъ печать антихриста. И податей отнюдь не долженъ платить:—то идолослуженіе врагу-антихристу. И ни къ какому обществу не приписываться:—то вступленіе въ сонмище антихриста и сѣденіе на сѣдалищахъ губителей. И если спросятъ тебя: кто ты и отъ коего града? отвѣтствуй: «града настоящаго не имѣю, а грядущаго взыскую». И твори брань со антихристомъ..... А если и повлекутъ тебя на судилище—молчи, претерпи раны и поношенія, претерпи темничное заключеніе, самую смерть, но ни единого слова отвѣтствовать на судъ не моги, и тѣмъ крѣпкую

брань твори со антихристомъ. То помни, что первые мученики съ людьми препиралися—и какіе свѣтлые вѣнцы получили; а ты со антихристомъ, сирѣчь съ самимъ діаволомъ, боротися имешь, и аще постраждешь доблественно, паче всѣхъ мученикъ вѣнецъ получишь и начальнѣйшимъ надъ ними будешь, понеже не съ простымъ человѣкомъ, а съ самимъ діаволомъ побіешися...
Хощеши ли креститься въ правую вѣру?

— Хочу, отче святыи, хочу.....

— А знаешь ли, чадо—какимъ узкимъ, какимъ труднымъ путемъ, волчцами и терніемъ покрытымъ, входятъ избранныки въ сію область спасенія? Вѣдаешь ли, чадо, какимъ подвигомъ ищущіе правой вѣры достигаютъ свѣтлаго собора вѣрныхъ, ихъ же имена написаны въ книгѣ животной?... О, сколь труденъ подвигъ, чадо! О сколь неудобносимо яго то!

— Повѣдай же мнѣ про тотъ подвигъ, отче!
Я готовъ....

— Ни постъ, ни вериги, ни иные твои подвиги, ими же добръ подвизался еси въ жизни твоей, не спасутъ тебя, чадо, не введутъ во

область спасенія, куда столь жадно стремится душа твоя..... Всуе трудился!.... Ни во что примѣнились молитвы твои, и деннонощныя стоянія на правилѣ, и постъ, и воздержаніе, и отъ людей ненавидѣніе..... Всуе трудился еси!... А сколь свѣтлы селенія земныхъ ангеловъ, праведниковъ во плоти, какія неизреченныя радости въ избранномъ соборѣ!.... И я знаю путь къ тому собору, и я могу указать путь оный!.....

— О, скажи, скажи мнѣ, отче, путь тотъ, въ оныя же пойду!... дрова всѣмъ тѣломъ и лобзая ноги Ардаліона, съ изступленнымъ жаромъ говоритъ Гриша. — Тѣло мое отдамъ на раздробленіе, лишь бы узнать путь тотъ, лишь бы войти хоть на часъ единъ въ тѣ райскія свѣтлицы земныхъ ангеловъ!.... Чтò мнѣ нужно, отче, дабы спастися?

— Смиреніе и послушаніе!.... Слышишь ли? — послушаніе!

— Я готовъ, отче, тебѣ и всѣмъ въ правой вѣрѣ обрѣтающимся всякое оказывать послушаніе....

— Не простое то послушаніе, чадо, то совершенное отсѣченіе воли своей, то совершенная смерть всякаго помысла и всякаго пожеланія: ты долженъ дѣлать только то, что тебѣ велятъ, своей же воли не имѣть.... Можешь ли ты взять на себя такое иго?

— Могу, отче!

— Иго неудобносимо, другъ, тяжель того подвига нѣтъ на землѣ и не бывало.... Въ правду ли ты можешь снести его?.... Вѣдь ты долженъ творить всякую, всякую волю отца своего наставника, не разсуждая, но вѣруя, что всякое велѣніе его— есть даръ совершенъ и свыше сходяй.. Что бы ни повелѣлъ тебѣ наставникъ— все твори... И хотя бы непросвѣщенному еще уму твоему и показалось велѣніе то соблазномъ, хотя бы лукавый духъ гордыни, въ сердцѣ твоёмъ гнѣздящійся, и сказалъ тебѣ, что дѣянiе повелѣнное — грѣховно и богопротiвно — не внимай глаголу лестчу—твори повѣленіе.... Твори безъ думы, безъ разсужденія и только то помни, что буре Божіе — премудрость человѣкомъ есть.

— Какъ же это, отче? спросилъ слегка поколебавшійся фанатикъ.... А если, примѣромъ сказать, — ты повелишь въ пятницу молоко хлѣбать?

— Хлѣбай безъ разсужденія!..... Мало того— велѣлъ бы я тебѣ челоуѣка убить — твори волю пославшаго тя.....

— Еретика убить!..... О!..... Готовъ, отче!... Не оскверню рукъ, но паче омыю ихъ тою окаянною кровію отъ прелести антихриста! Какъ Илія пророкъ жрецовъ вааловыхъ — перепластаю еретиковъ, сколько велишь!

— Не одного еретика, врага Божія.... Велѣлъ бы я тебѣ, послушанія ради, — самому въ срубѣ сгорѣть, голодомъ смерть пріяти, засыпать себя рудожелтыми песками, или въ пучину морскую кинуться: твори волю пославшаго.—И если хотя одинъ помыслъ грѣховнаго сомнѣнія, хотя одна мысль сожалѣнія омрачить въ тотъ часъ душу твою—всеу трудился еси—уготованъ ты антихристу и аггеломъ его....

Гриша вздрогнулъ.

— Можешь ли идти путемъ вѣрныхъ? Хочешь ли, чтобы имя твое вписано было въ книгу животную?

— О, хочу, хочу!

— Пляши и пой пѣсню бѣсовскую! сказала Ардаліонъ, быстро вставая и дѣлая повелительное движеніе рукой.

Гришу какъ варомъ обдало. Отпрянулъ онъ отъ Ардаліона на другой конецъ келійки; ужась покрылъ лице его... Поднявъ руку съ крестнымъ знаменіемъ, задыхаясь отъ внутренняго волненія, онъ сталъ говорить:

— Заклинаю тебя Господомъ Богомъ живымъ—отыди отъ меня въ мѣсто пусто, въ мѣсто безводно.....

— О, маловѣръ!—сядась на лавку и съ укоромъ покачивая головой, говорилъ между-тѣмъ Ардаліонъ:—о несмысленный галать! Гдѣ же твое послушаніе? Гдѣ же отсѣченіе воли? Гдѣ отриновеніе помысловъ гордыни?... Нѣтъ, другъ, неудобно-симо для тебя иго, его же хотѣлъ подъяти празднымъ и раздвоеннымъ умомъ твоимъ. Сего малаго испытанія не могъ ты выдержать—внялъ

глаголу духа лестча и лукава.... Всуе трудился еси!.... Нѣтъ тебѣ части въ свѣтломъ сонмѣ избранныхъ—влачи жизнь твою въ сѣтяхъ антихриста! Погибай погибелью вѣчною тамъ, гдѣ смола кипящая, огонь неугасающій и червь неусыпающій.... Не говорилъ ли я тебѣ, что долженъ ты творить всякую волю своего отца-наставника, не смущаться духомъ, паче же вѣровать, что буетъ Божіе—премудрость челоукомъ есть?... Прощай!... Чтѣ мнѣ и тебѣ?... Кое общеніе свѣту ко тмѣ!.... Маловѣръ несмысленный?... Не быть тебѣ на горахъ Кирилловыхъ...

— Гдѣ?

— На горахъ Кирилловыхъ, что у Малаго Китежа (*), стоятъ надъ Волгой-рѣкой, рядомъ съ горой Оползень..... Когда по Волгѣ-рѣкѣ плыветъ сплавная росшива мимо горъ Кирилловыхъ и на той росшивѣ все люди благочестивые,—Кирилловы горы разступаются, какъ врата великія разверзаются, и выходятъ оттуда старцы лѣпообразные, единъ по единому. Прощали тѣ

(*) Городецъ на Волгѣ—Нижегородской губерніи, Балахонскаго уѣзда.

старцы въ пустыни невидимой, яко крини сельные и яко финики, яко кипарисы и древа не старѣющіе; просіяли тѣ старцы яко каменіе драгое, яко многоцѣнные бисеры, яко звѣзды небесныя. Отъ устъ ихъ праведныхъ сердечная молитва къ небу восходитъ яко ѳиміамъ благоуханный, яко кадило благовонное, яко миро добровонное. И егда ночь придетъ, тогда отъ устъ тѣхъ старцевъ праведная молитва бываетъ видима. Яко столпы огненные со искрами пламенными, отъ устъ старческихъ къ небу молитвы поднимаются и бываетъ отъ того по всей странѣ свѣтъ велій, яко свѣтъ молніи, книги чести и писати возможно безъ свѣщнаго сіянія.. Выходятъ тѣ старцы лѣпообразные, въ поясъ судоходцамъ поклоняются, просятъ свезти поклонъ, заочное цѣлованіе братьямъ своимъ въ Жигулевскихъ горахъ.... И когда росшива та проходитъ мимо Жигулевскихъ горъ, должны судоходцы исполнить приказъ старцевъ горъ Кирилловыхъ, должны крикнуть громкимъ голосомъ: «Ой, вы, гой еси старцы жигулевскіе. Привезенъ къ вамъ поклонъ отъ горы Кирилловой: — кирилловы стар-

цы съ вами прощаются, прощаются они, благословляются»..... Разступаются тутъ горы Жигулевскія, разверзаются врата великія, бѣлымъ камнемъ алебастромъ о всякую пору забранныя и выходятъ на брегъ старцы лѣпообразные единѣ по единому..... И поднявъ паруса бѣлые, птицей вольной полетитъ тогда росшива на Низовье.... Не насвистывай вѣтра, бурлакъ, лежана брѹхѣ, безъ твоего свиста парусѣ легкіе найдутся вѣтра могучаго—понесутъ они росшиву куда надобно. А забудь судоходцы исполнить завѣтъ старцевъ горы Кирилловой—возстанетъ буря великая, разверзнутся хляби водныя и поглотятъ росшиву со всѣми судоходцами.—Таковы блаженные старцы горы Кирилловой, таковы лѣпообразные старцы жигулевскіе....

— Гдѣ же тѣ горы? гдѣ же тѣ старцы? вполголоса спросилъ Гриша....

— Тамъ, куда ходу нѣтъ маловѣрамъ; тамъ, куда можетъ пройти только истинный рабъ Христовъ, воли своей неимѣющій, въ душѣ помысловъ нечистыхъ непитающій, волю посланшаго творящій безъ разсужденія... И нетоль-

ко въ Жигуляхъ, да на горѣ Кирилловой процвѣтають таковыя кринны райскіе, но и въ иныхъ во многихъ мѣстахъ и пустыняхъ невидимыхъ просіяли свѣтомъ не вечернимъ богоизбранныя свѣтила, ихъ же путь правъ и вѣра истинна; ихъ же имена въ книгѣ животной вписаны.... И сіяють тѣ свѣтила отъ древнихъ лѣтъ.... Тамъ, за Керженцемъ — рѣкой — пролегаетъ дорога, давнымъ давно запущенная. Нѣтъ по той дорогѣ ѣзду коннаго, нѣтъ по той дорогѣ пути пѣшеходнаго, а не зарастаетъ она ни лѣсомъ, ни кустарникомъ.... То — «Батыева тропа».... Проходили тутъ татары поганые отъ стольнаго города Володимира въ чудный Китежъ градъ. А тотъ чудный Китежъ градъ стоитъ на озерѣ Свѣтлый-Яръ (*). А ставленъ тотъ градъ благовѣрнымъ великимъ княземъ Георгіемъ. Попущеніемъ Божиимъ, грѣхъ ради человѣческихъ, приде безбожный царь Батый на Русь воевать. — Раззорилъ онъ, нечестивый, грады великіе; веси огнемъ пожигалъ, людей крещенныхъ всеядно-

(*) Озеро Свѣтлый-Яръ подлѣ села Владимірскаго (Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи).

му мечу предавалъ; дѣвъ, женъ, честныхъ инокинь блудомъ осквернялъ, младенцовъ ножемъ закалалъ. И тогда бысть по всей Русской землѣ плачь великій и стenanіe скорбное... Горькимъ плачемъ возрыдалъ благовѣрный великій князь Георгій, помолился онъ Господу Богу и Пречистой Богородицѣ и всѣмъ святымъ, собралъ вой своя и пошелъ на нечестиваго царя Батя. И бысть съча велія и кровопролитіе многое. И побилъ нечестивый царь Батый благовѣрнаго, великаго князя Георгія и побѣжалъ благовѣрный, великій князь по Волгѣ рѣкѣ, перешелъ онъ отъ Кириловыхъ горъ, что стоитъ у Малаго Китежа четыре рѣки: первую рѣку Узолу, другую Санду-рѣку, третію Санахту, а четвертую рѣку Керженецъ. Приходилъ онъ ко озеру Свѣтлоярому, въ чудный Китежъ-градъ, градъ во славу Божию имъ благовѣрнымъ великимъ княземъ созданный. Много здѣсь бился великій князь Георгій съ безбожными татарами, не пущая ихъ въ Китежъ градъ и не стало у него силы ратныя—одолѣлъ безбожный Батый благовѣрнаго князя Георгія. Восхотѣлъ онъ, злолютый, и чуд-

ный градъ Китежъ раззорити;.... но Богу сѣизво-
ляющу, — бысть тотъ градъ невидимъ.... и стоитъ
онъ невидимъ и будетъ стоять невидимъ, дон-
деже солнце свѣтитъ и мѣсяцъ ходитъ на твер-
ди небесной..... Лѣсомъ поросла страна Заузолъ-
ская, запусъла отъ безбожнаго Батыя сторона
Кѣрженская, запусъла отъ него сторона Черно-
раменская, — а чудный Китежъ градъ, дивное
строение благовѣрнаго великаго князя Георгія,
стоитъ невидимо и будетъ стоять невидимо до
втораго-Христова пришествія.... И когда свѣт-
лымъ, тихимъ, лѣтнимъ вечеромъ стануть гладью
воды озера Свѣтло-яраго, ни вѣтеръ рябью не-кро-
етъ ихъ, ни рыба, играючи, не пускаетъ широ-
кихъ круговъ; тогда чудный, сокровенный Китежъ
градъ кажетъ тѣнь свою: видѣютъ въ озерѣ
стѣны градскія съ башнями бѣлокаменными, съ
бойницами крѣпкими, видѣются церкви Божіи
златоглавыя, высокіе терема княженецкіе, хо-
ромы боярскія.... И много народу на озеро
Свѣтлый-Яръ лѣтней порой сходится. Ложится
народъ ночью вокругъ озера, припадаетъ ухомъ
ко сырой землѣ..... И тогда въ безмолвной тиши

часа полуночнаго чудный, сокровенный Китежъ градъ даетъ знать о себѣ гуломъ своихъ колоколовъ серебряныхъ... А живутъ въ чудномъ градѣ Китежѣ люди блаженные, пустынные жители преподобные, тамо жизнь безпечальная, тамо жизнь безъ воздыханія, тамо день немерцаемый, тамо утѣхи райскія.... Тамъ и райская птица алконасть поетъ, единороги по улицамъ и по садамъ ходятъ, а львы да ручные драконы градскія врата стерегутъ.... И всякій человѣкъ, послушаніемъ смирившій душу свою, путь въ чудный градъ Китежъ вѣдаетъ и блаженную жизнь тамо обрѣтающихся земныхъ ангеловъ, небесныхъ же человѣковъ, знаетъ.

— Скажи мнѣ путь.....

— Послушаніе безъ разсужденія.... Кто желаетъ всѣмъ сердцемъ и всею душою и всѣмъ помышленіемъ своимъ оставить сей многопреlestный міръ; кто неразвоеннымъ умомъ и не сомнѣнно, безъ разсужденія, слѣпоувѣрою обѣщается идти въ такое благоутѣшное пристанище, тому отворятся чудныя врата сокровеннаго града Китежа. Никому въ міръ не повѣ-

давши, ни отцу, ни матери, ни роду, ни племени и творя лишь послушаніе, творя лишь волю пославшаго тебя наставника, ступай все тропой Батыевой— иди, ничего тщетнаго въ себѣ не помышляючи, и о томъ, чтобы возвратиться вспять отнюдь не думая.... Будешь терпѣть лютый гладъ, будешь терпѣть мразный хладъ,—а ты все иди тропой Батыевой—пролагай стезю ко спасенію, направляй стопы въ чудный Китежъ градъ.... Нападутъ на тебя звѣри лютые, наскочитъ на тебя змѣя подколодная,—а ты все иди тропой Батыевой, пролагай стезю ко спасенію, направляй стопы въ чудный Китежъ градъ..... Возстанетъ буря великая, хлынутъ на тебя ручьи дождѣвые, закрипятъ по лѣсу сосны столѣтнія, повалятся на тебя деревья буреломныя,—а ты все иди тропой Батыевой, пролагай стезю ко спасенію, направляй стопы въ чудный Китежъ градъ..... Накинутся на тебя лютые демоны, нападутъ на тебя змѣи огненные, окружаютъ тебя эіюпы черные, загородить тебѣ дорогу вся сила преисподняя,—а ты все иди тропой Батыевой — пролагай стезю ко

спасенію, направляй стопы въ чудный Китежъ градъ.....

— Скажи мнѣ путь, въ онъ же пойду; скажи мнѣ, отче, путь въ тотъ чудный градъ.... Хоть бы денёкъ одинъ пребыть тамъ.

— Тамъ — жизнь безконечная. Тамо часъ одинъ — здѣшнихъ сто лѣтъ и болѣе. И не одинъ въ той сторонѣ градъ сокровенный обрѣтается; тамъ же на Нестіарѣ-озерѣ такой же сокровенный градъ. А еще подальше стоитъ въ лѣсу церковь невидимая, что въ старые годы стояла въ Василѣ городѣ, на Сурѣ на рѣкѣ. — Былъ праздникъ Господень — Преполовеньевъ день, пошелъ крестный ходъ на Суру рѣку воду святить, — двинулась и церковь Божія, пошла за крестами, съ людьми православными, благочестивыми.... И Сура рѣка разступалася, какъ ворота растворялася, принимала въ себя всѣхъ людей, что крестнымъ ходомъ шли, принимала и церковь Божию.... И перенеслась та церковь за Суру рѣку, и за Волгу рѣку, и за Ветлугу рѣку и стала стоять невидимо въ лѣсахъ Керженскихъ... Стоять въ ней люди

василегорѡдскіе и будутъ стоять, будутъ пѣть канонъ Пасхи до самаго втораго Христова пришествія.... И бысть единъ мужъ благочестивъ и боголюбивъ отъ единыя веси неподалеку стоящей. Изыде же мужъ той въ лѣсъ, ловитву за звѣрями дѣюще, и Божиимъ соизволеніемъ, за его жизнь подвижную и за многія добродѣтели, открылась ему церковь Василегородская. Подошелъ рабъ Христовъ къ дивной церкви Божіей и слышитъ онъ: поютъ восьмой ирмосъ канона на святую Пасху: «Сей нареченный и святой день»... И таково сладко было райское пѣніе, таково вокругъ церкви благоуханіе, таковъ свѣтъ окрестъ возсіялъ что мужъ тотъ самъ не зналъ — во снѣ онъ, или въ восторзѣ, или въ явь чудо совершается. И прослушалъ онъ только одинъ ирмосъ, и обратнымъ путемъ пошелъ во свояси, славя и благодаря Бога за видѣнное имъ и слышанное. И егда придетъ въ весь свою — ни единого знаемаго обрѣтъ, и ни единъ житель той веси его не позналъ. И бысть молва велія и многое разсужденіе въ людѣхъ. — Мужъ же той имя свое повѣдалъ, глаголя, что онъ наканунѣ лишь отыде изъ веси той въ лѣсъ,

звѣриныя ради ловитвы, и жену свою и дѣтей называя, и домъ свой указуя... И дивляхуся вси... И обрѣтоша по сосѣдству мужа древня, ему же было вящше сталѣтъ. И сказалъ той старецъ, что бывшу ему во отрочествѣ, слыхалъ онъ отъ родителей, что былъ въ веси ихъ человекъ добродѣтельный и благочестивый, имя же то самое имѣя, какъ и пришлецъ чудный себя нарицаетъ, и что тотъ человекъ во едино время отыде въ лѣсъ, звѣриныя ради ловитвы, и не возвратися..... И повѣда людемъ чудный мужъ, что онъ видѣлъ въ дебряхъ лѣсныхъ церковь Василегорѣдскую и слышалъ пѣніе ангелоподобное... И егда повѣда, испусти духъ и преселися въ жизнь вѣчную... И познаху люди, что егда блаженный тотъ единъ ирмосъ: «сей нареченный и святой день» слушалъ — протекло сто лѣтъ и болѣе. И восхвалиша Господа и рекоша другъ ко другу: «дивенъ Богъ во святыхъ своихъ!»... И я знаю путь къ церкви Василегорѣдской и могу указать путь тотъ несомнѣнно ищущему спасенія.....

— Отче, отче! скажи мнѣ.....

— Имѣешь ли послушаніе?

— Имѣю, отче.... Я сейчасъ.... И Гриша, взирая распаленными глазами на Ардаліона, подперъ руки въ боки, готовый пустится въ плясъ. Онъ уже затунулъ—было:

«Какъ во городъ было во Казани....»

— Довольно.... Не надо больше, сказалъ Ардаліонъ. Благо твое послушаніе.... Аще всегда будешь таково творити волю мою безъ разсужденія— узриши благая горняго Іерусалима.... Можешь ли творить брань со антихристомъ?

— Могу, отче.... Гдѣ онъ? Покажи мнѣ его, проклятаго, да брань сотворю съ нимъ.

— Антихристь, чадо, многоглавень, многоумень, многоязыченъ. Все, что не нашей правой вѣры—все антихристь. Вся эта пестрая поповщина, всѣ эти хромья души, какъ бывая хозяйка твоя со своими исчадіями, со всѣмъ своимъ мерзкимъ отродьемъ—антихристь!

— Отче, я иду—задушю ее и всѣхъ этихъ еретиковъ.

— Шука умереть—зубы останутся, чадо. Не тронь..... Лучше зубы вырви у ней, если можешь.

— Какіе зубы?.....

—Зубы ада—сила его.... Сила днешняго антихриста—въ деньгахъ.... Можешь ли ты вырвать зубы изъ мерзскихъ челюстей его, окаяннаго?

— Могу, отче. Я знаю, гдѣ сундукъ. Въ моленной, въ углу, подъ Николинымъ образомъ стоитъ. Иной разъ по ночамъ я хожу туда лампадки поправлять. Могу, отче!.... Я иду....

И онъ пошелъ—было къ двери.

— Пстой, сказалъ Ардаліонъ, еще время не настало, часъ не пришелъ... Но да будетъ благословенно твое послушаніе!.... Хочешь ли креститься въ правую вѣру?

— Хочу, отче; но гдѣ же?

— Идемъ на рѣчку—время благопріятно.

Пошли.... И въ тишинѣ ночной, перекрестилъ Ардалимъ Гришу подъ самой той ракитой, подъ которой такъ недавно онъ сжималъ въ объятіяхъ своихъ Дуняшу.... Полная луна обливала блѣднымъ свѣтомъ обнаженное тѣло троекратно, подъ рукою Ардаліона, погружавшагося въ свѣжія струи фанатика.—И далеко раздавалось по окрестностямъ громкое пѣніе соловьевъ.

И нарекъ Ардаліонъ имя ему—Геронтій.

— Благослови, отче, идти на антихриста! съ изступленнымъ жаромъ сказалъ Геронтій своему отцу-наставнику, возвратясь уже въ чуждую ему келійку.

— Ступай чадо!..... Благословенъ грядый во имя Господне—на антихриста.

Какъ угорѣлый, со всѣхъ ногъ бросился Геронтій. — Ардаліонъ поспѣшно сталъ собирать въ пещуръ свои пожитки, чутко прислушиваясь, не зашумѣли ли на дворѣ или на усадѣ. Потомъ затопилъ печку.—

Минуть черезъ двадцать вошелъ въ келійку Геронтій съ сундукомъ. Едва могъ тащить его.

Сундукъ разбили. Вынули деньги и безыменные билеты. Векселя и другія бумаги бросили въ печку.

— Грядемъ, чадо, въ пустыню искать спасенія! сказалъ Ардаліонъ.

И наскоро положивъ семишлуклонный уставной «началь», они вышли изъ келійки на всполье, перешли въ бродъ рѣчку и бѣгомъ пустились къ лѣсу.

Дня черезъ три хоронили Евпраксию Михайловну—умерла въ одночасье.

И запутались съ той поры и совсѣмъ порѣшились Гусятниковы.

Stanford University Libraries

3 6105 124 446 977

DG

332

A10

SP 75

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

